

Катерина Славская

Китайские фонарики

Повести и рассказы

Катерина Славская

Китайские фонарики.
Повести и рассказы

«Издательские решения»

Славская К.

Китайские фонарики. Повести и рассказы / К. Славская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834656-9

Героинями представленных историй являются наши современницы со своими страстями, достоинствами и недостатками, а также умением выпутываться из сложных жизненных ситуаций. Автор книги мастерски владеет секретом психологического и эмоционального отображения действительности, что делает ее произведения занимательными и проникающими в душу читателей. В сборник включены произведения «Шубка», «Другая жизнь», «Чокнутая» и «Китайские фонарики».

ISBN 978-5-44-834656-9

© Славская К.
© Издательские решения

Содержание

Шубка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Китайские фонарики

Повести и рассказы

Катерина Славская

© Катерина Славская, 2019

ISBN 978-5-4483-4656-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шубка

Наверное, нет на свете такой женщины, которой бы не хотелось иметь красивую шубу. Правда? «Конечно, – скажут многие женщины и добавят с усмешкой, – если только она не живет в тропиках». Ведь, шуба из натурального меха была и остается для многих ее обладательниц не просто шубой, а атрибутом роскоши, достатка. Как, например, дорогие духи, бриллианты, шикарные машины, особняки и богатые мужья. Элегантную женщину, если на дворе не лето, почему-то всегда представляешь в шубе из соболя, чернобурки, норки, шиншиллы, или в легком манто из того же меха, так непринужденно прикрывающим плечи... Вот, дама подает кавалеру руку, выходит из машины, мех шубки сверкает в свете прожекторов... Сколько мы просмотрели таких кадров с актрисами, поп дивами и разными телезвездами. Да, как приятно быть красивой!

К счастью, в наше современное время женщины разного возраста имеют бриллианты, носят шубы и пользуются дорогой косметикой. И необязательно для этого быть звездой. Многие женщины самодостаточны, кто-то успешно занимается бизнесом, политикой, спортом, а кому-то просто повезло – имеют удачливого мужа или богатого любовника. Правда, не все «хозяйки» великолепных шубок живут в роскошных замках и ездят не всегда на шикарных машинах. Не все из них имеют любовников, пусть даже не богатых. Про мужа и говорить не приходится. И так все понятно.

У Али, а если со всем уважением, Алевтины Михайловны не было ни мужа, ни любовника. А также машины и бриллиантов. Если не считать бриллиантами маленькие фианитики в ее любимых золотых сережках, когда-то удачно купленных еще в советское время. Представляете, сколько им лет?! И до сих пор ничего нового. Исключением в последнее время стали дорогие духи. Алевтине, в ее возрасте, было стыдно покупать дешевую туалетную воду. Особое внимание Аля также уделяла своей одежде, обуви и прическе. Три года подряд каждую неделю, обычно по пятницам или в субботу, она посещала парикмахерскую. В салоне Алю хорошо знали, встречали как давнюю приятельницу, делали стрижку, укладку, маникюр.

Одевалась Алевтина Михайловна безукоризненно, в соответствии со своим элегантным возрастом. Хороший костюм, обычно пиджак-юбка, реже платье, брюки Алевтина надевала лишь в сильный мороз. Аля уже не позволяла себе прийти на работу в какой-нибудь кофте, купленной на ближайшей ярмарке или рынке, в лоснящейся сзади юбке или плохо выглаженных брюках. Алевтина покупала свои наряды в магазинах, где можно было спокойно, зайдя в примерочную, не торопясь, примерить одежду, осмотреть себя с ног до головы, оценить цвет и фасон изделия. Как правило, Алевтина приобретала по значительным скидкам когда-то дорогие, но уже теперь уцененные вещи, предугадывая всевозможные акции и сезонные распродажи в магазинах.

На работе Алевтина, естественно, ходила в туфлях на высоком каблуке. Еще с молодости Аля любила шпильки. Собственно, какая женщина не любит изящные туфли? Правда, в пятьдесят четыре года не каждая женщина может себе позволить ходить в такой обуви. Но Алевтина позволяла, не обращая внимания на рекомендации хирургов. К тому же у нее с детства было плоскостопие, и ходить в «тапочках», как Аля называла туфли без каблуков, она просто не могла. Даже дома Алевтина ходила в сабо на небольшом каблуке.

Алевтина не курила, а после пятидесяти лет перестала употреблять спиртные напитки. Ни в праздники, ни на днях рождениях у знакомых. Ведь, от этого ненужного потребления портятся зубы! Не говоря уже о печени и прочих органах. А за зубами Алевтина следила особенно тщательно, считая, что зубы отражают сущность человека, почти как глаза – зеркало души. Полтора года назад в частной клинике Алевтине Михайловне поставили новые зубы,

и после этого Аля почти целый месяц не могла прийти в себя от счастья, при каждом удобном случае рассматривала себя в зеркале и всем улыбалась новой «голливудской» улыбкой.

Алевтина в свои годы выглядела неплохо. Со всеми, предпринимаемыми Алей ухищрениями, ей можно было бы дать лет сорок пять-сорок шесть. Не больше! Во всяком случае, Алевтине так казалось. Да и получаемые время от времени комплименты от знакомых разного пола ее подбадривали, и Алевтина старалась. Хотелось выглядеть как можно моложе и красивее! И ничего противоестественного в этом не было.

Желание приобрести шубу, норковую, возникло внезапно. В конце зимы. Рабочий день закончился. Алевтина выходила из учреждения, в котором работала. Она находилась на крыльце, собираясь спуститься по ступенькам вниз. Но вдруг остановилась, раздумывая, куда пойти. В магазин купить что-нибудь вкусненькое к чаю или сразу домой. Аля с удовольствием ощутила, что ей стало чуточку теплее, чем утром. Тогда от мороза у нее перехватило дыхание, а сейчас в вечернем воздухе она даже уловила запах весны. Алевтина невольно улыбнулась. В этот момент входная дверь за ее спиной распахнулась, Аля услышала смех и обернулась. Две молоденькие девушки, новые сотрудницы из отдела детских пособий, о чем-то оживленно переговаривались и смеялись. Сказав Алевтине «до свидания», они быстро сбежали вниз и направились к автобусной остановке. Алевтина невольно проводила их взглядом. На обеих были красивые шубы, почти одинакового цвета, но разного покроя. С цветом Алевтина могла и ошибиться, так как уже стемнело. Но то, что на высокой девушке была длинная приталенная шубка, а на другой – норковый полушубок до колен, это Аля в свете фонарей рассмотреть успела.

«Такие молоденькие, и в шикарных шубках», – заметила про себя Аля. «А у меня шубы никогда не было», – эта мысль как-то противно кольнула внутри. Не брать же в расчет кроличью шубу, которую она носила в далеком детстве. Аля спустилась по ступенькам и медленно пошла домой. В магазин, где могли появиться непредвиденные покупки, идти не хотелось. Новое желание само по себе уже оформилось, и подсознательно Алевтина понимала: «надо снова экономить». Красивые зубы у нее есть, теперь нужна красивая шуба. Какие уж тут магазины!

Пройдя половину пути, Алевтина Михайловна почувствовала, что ей стало зябко. Кутаясь в палантин, она прибавила шагу. «Надо же, как к вечеру похолодало, а передавали, что потеплеет», – посетовала Аля на погоду, совершенно позабыв свои недавние ощущения. На ней было теплое зимнее пальто, удачно сшитое несколько лет назад в ателье и которое ей очень шло. Алевтина носила вещи бережно, и это пальто до сих пор выглядело как новое. Оно было теплым, красивым и удобным. Часто поверх пальто Аля накидывала на плечи палантин, что сейчас было очень модно. Шапки Алевтина не любила, они портили прическу, но когда было особенно холодно, она прикрывала голову шалью или палантином. Поэтому сейчас Алевтина накрыла голову палантином и через десять минут, изрядно замерзнув, вошла в свою квартиру.

Пока Алевтина снимала верхнюю одежду, мыла руки, переодевалась, готовила себе несложный ужин, она никак не могла отделаться от мысли, почему же у нее до сих пор нет приличной шубы. По возрасту, да и по статусу (Алевтина третий год была начальником небольшого отдела из четырех человек), ей давно уже следовало щеголять в красивой шубе, а не в своем, пусть даже хорошем, но все-таки старом пальто. Как же раньше она об этом не задумывалась? «Ладно, – успокоила себя Алевтина, – куплю в следующем сезоне».

Но к следующему сезону не получилось. Всю весну, лето и начало осени Алевтина усердно копила деньги, с каждой зарплаты пряча в потайное место определенную сумму, которую она сама себе установила, исходя из своего дохода и цен на шубы. Ведь, Алевтина Михайловна хотела купить себе не какую-нибудь там обдиргушку, как она называла короткие шубки, едва прикрывающие широкую женскую часть туловища, а солидную, длинную, почти в пол, шубу. А такие шубы стоили не дешево.

К сожалению, опять произошло то, что обычно случалось у Али с накоплениями. Как будто кто-то сверху кому-то внизу говорил, что у Алевтины Михайловны как раз сейчас имеется та сумма, которая требуется. Так было на протяжении всей жизни Алевтины. А началось давно, еще в молодости, с ее тетки, маминой сестры. Тетя тогда приехала в Москву, буквально на один день, за вещами и продуктами, за дефицитом, который попадетя и в хозяйстве пригодится. Москва же, столица! Нужно было отовариться, да как можно больше, и скорее возвращаться к себе домой, где ждали козы, корова и ...пьющий муж. Тетка приехала рано утром, ночью у нее был обратный поезд. Аля в те годы жила в общежитии, днем училась, вечером подрабатывала в лаборатории, готовилась к поступлению в аспирантуру, свободного времени у нее совершенно не было. Но позвонила мама и уговорила Алевтину встретить ее младшую сестру, тетю Капу, Капитолину Степановну, и помочь ей со всеми покупками. «Ведь, с Капой всегда что-нибудь случается, ты уж ей помоги» – с особенным нажимом попросила мама. К сожалению, мамыны слова оказались пророческими. Не успели Алевтина с теткой выйти с вокзала, как Капа, охая и ахая, крутя головой в разные стороны, она впервые очутилась в Москве, споткнулась. Да так неудачно, что Алевтине сразу захотелось завывать вслед за теткой. Капа ударилась лицом о тротуарный бортик и сломала два передних зуба. Кровь, крики, теткинны стоны, губа ее распухла, как на дрожжах. Аля до сих пор ежилась, когда вспоминала всю ту картину и свои чувства в тот момент. Надо было срочно вести тетку в какую-нибудь больницу. Но в какую? Она не была прописана в Москве, значит, только в платную, или просто договориться с частным врачом? Тетка находилась в шоковом состоянии, необходимо было срочно что-то предпринять, и еще нужны были деньги, причем немалые. Все эти мысли мелькали у Али в голове.

– Теть Кап, ну Вы как? Вам не очень больно? – глупо спросила Алевтина, вытирая кровь с теткинного лица.

– Ага, не больно?! Ты, чего издеваешься надо мной, что ли? – оторопев от слов племянницы, взвизгнула тетя Капа, но сразу снова зажала рот рукой и завывала, – в Москву при-е-ехала...

Кое-как они добрались до стоянки такси, Аля попросила пропустить их без очереди. Потом долго колесили по городу, пока, наконец, не приехали в общежитие. А потом, пока тетка, после оказанных Алей процедур доврачебной помощи, безжизненно лежала на кровати, Аля убежала на вахту звонить в поликлиники.

В конце концов, вся эта суматоха увенчалась успехом. Алевтина нашла стоматологическую поликлинику, где Капу принял врач, с которым Аля договорилась о материальной стороне вопроса. Все сбережения, которые были у Алевтины, ушли на восстановление теткинны зубов. Когда Аля робко заикнулась об этом Капе, тетка, сорока двух летняя особа в самом расцвете женской красоты, удивленно воззрилась на племянницу и сказала:

– Нет, ты что, хочешь, чтобы я, побывав в Москве, уехала без покупок? Ты соображаешь, что говоришь-то? И, между прочим, мне твоя мамочка обещала, что ты поможешь.

Тетка обиженно надула пухлые губки. Но, видя совершенно растерянный вид Алевтины, смягчилась:

– Ну ладно, тебе, глупенькая, я же верну, приеду домой, накоплю, и получишь ты обратно свои денежки.

Аля благодарно улыбнулась.

Стоит ли говорить, что денег Алевтина так и не дождалась.

В следующий раз помощь понадобилась маминному брату, вернее, его сыну. Он поступал в московский институт. А так как никто из родственников, кроме Алевтины, в Москве в то время не жил, значит, задача о Мишенькином поступлении в высшее учебное заведение опять-таки была возложена на Алю.

– Алевтина, помоги Мишеньке, – говорила мама, – ты учишься в аспирантуре, без пяти минут кандидат, у тебя связи, а он, – мама даже жалобно вздохнула, – несчастный мальчик

с периферии. Он еще совсем малыш, ты его на целых семь лет старше. Мне очень будет стыдно перед родственниками, если ты ему не поможешь, и он не поступит.

– Мама, но я-то что могу сделать, все же от него зависит, – недоумевала Аля, – я же поступила без всякой помощи.

– Ну, что ты сравниваешь! – мама начинала нервничать, – ты всегда была умной девочкой, школу прекрасно закончила, росла в радости и любви. А у него мать рано умерла, мачеха вертихвостка попалась, прости меня, Господи, – Аля поняла, что мама на другом конце провода перекрестилась, – все по гостям да танцулькам, пока муж в плавании. Брат, дуралей эдакий, души в ней не чаёт, ничего не видит, подарки ей чемоданами привозит. Сына любит, но что он может сделать? Бедный мальчик все детство был предоставлен сам себе. Учился, как мог. Уж мы все так переживаем за нашего малыша.

– Мама, а почему он не хочет поступать в наш политех или в молочный? – все больше удивлялась Алевтина, – зачем ему в Москву-то ехать?

– А ты почему поехала? – парировала мать.

– Мама, ты же знаешь, мне интересна наука, а Москва – научный город, здесь больше возможностей, – пыталась объяснить Алевтина.

– Вот именно, больше возможностей, я все это прекрасно знаю! Ты даже говоришь, как москвичка, я же слышу. Мишеньке пойдет на пользу, Москва меняет людей, – с силой расставляя ударения на словах, ответила мама и вдруг заговорила шепотом, – Алечка, ты узнай, сколько это стоит, ну-у, и дай там, кому следует...

– Мама! Что ты говоришь? – Аля закричала в трубку, – что «это»? Я должна дать кому-то взятку, чтобы Мишенька поступил?

– А что ты так кричишь? – тон матери опять становился громче, – в этом нет ничего ужасного, просто надо по-хорошему поговорить с людьми, все объяснить, сделать презент, сама понимаешь, какой...

– Я понятия не имею, как это делается, сколько это стоит, и кому надо давать!

– Вот и узнай, – невозмутимо ответила мама, – тем более что он будет поступать на твой факультет, тебе будет совсем просто.

– На мой?! – удивилась Алевтина, с ужасом понимая всю неотвратимость предстоящего мероприятия, – мама, зачем ему биология? Он, что, ее сильно любит? Боже мой, зачем ему Москва?

Алевтина начала волноваться, а когда она волновалась, ее голос приобретал прежний говорок, от которого Алевтина почти избавилась за те годы, которые она прожила в Москве.

– Аля, ты как маленькая девочка, – недовольным тоном сказала мама, – какая разница, биология или история с географией... и потом, училась бы ты на любом другом факультете, значит, Мишенька поступал бы туда. Лишь бы было высшее образование, и чтобы мальчик получил его в Москве. Это – сын, – мама сделала ударение, – моего брата, ты это хотя бы понимаешь?

– Я-то понимаю..., – промолвила Алевтина.

– Вот и хорошо, девочка моя, – мамин голос потеплел, – и потом, время еще есть. Экзамены через два месяца. Я **ОЧЕНЬ** тебя прошу.

Да, мама умела убеждать. Или это называется по-другому. Аля вздохнула, зажмурила глаза, она всегда так делала, когда предстояло какое-то тяжелое, неприятное или щекотливое дело, и тихо сказала в трубку:

– Хорошо, мама.

Когда Мишенька приехал, ему оставалось только не завалить письменные экзамены. Сдать хотя бы на «тройки», а проходные баллы по устным предметам ему были обеспечены. Аля смогла все выяснить и оставила задаток. Не будем вдаваться в подробности, сколько нервов и моральных пыток ей это стоило. Алевтине пришлось пройти через стену недомолвок,

недоверия, открытого непонимания, перешептывания и сомнительного знакомства. Кроме этого, существовал страх, что за такие дела Алевтину просто выгонят с факультета. Искушавшись по уши в грязи, как Аля называла все то, чем ей пришлось заниматься, выйдя на нужных людей, она много интересного узнала как про свой институт, так и про родную кафедру, где собиралась защищать диссертацию и в дальнейшем остаться работать. Оказывается, не все так было кристально чисто, как у нее в лаборатории, и как по наивности души раньше считала Алевтина, не сталкиваясь ни с чем подобным. Аля даже заболела в результате своей деятельности, у нее два дня держалась высокая температура, и ее тошнило. Алевтина чувствовала себя преступницей, а будущие неприятности вскоре не преминули на нее обрушиться.

«Ничего себе, малыш», – буркнула себе под нос Алевтина, когда увидела двоюродного брата.

Несчастный мальчик Мишенька совсем не выглядел робким провинциалом, обделенным судьбой. Мишенька был высокого роста, широк в плечах и весил, наверное, около полутора центнеров. Прямо-таки вологодский медведь, как про себя окрестила его Алевтина. Плюс презрительная ухмылка и наглый взгляд. Мишенька производил впечатление человека, которому дозволено все. Алевтина даже постеснялась бы назвать его подростком. Одет он был в фирменные джинсы, какие и в Москве в то время можно было купить только у фарцовщиков, и новомодную майку, что совершенно не соответствовало облику бедненького мальчика, коего следовало опекать. В свои семнадцать с половиной лет он походил на вполне сформировавшегося мужчину.

– Ну, сестренка, привет, вот я и прибыл, – Мишенька расплылся в улыбке, показывая Алевтине ровные белые зубы.

«Да, наплачусь я с тобой», – только и мелькнуло тогда у Алевтины в голове.

Письменный экзамен по математике Мишенька, естественно, завалил. Подали на апелляцию. Беседуя с преподавателем, Мишенька лишь улыбался да пожимал плечами. Все остальное сделала Алевтина. Она приводила множество аргументов от спортивной секции, «вы посмотрите на него, он же баскетболист, будет играть в сборной команде института!» до «вы поймите, он же не на математический факультет поступает», «мальчик с трудной судьбой, рано лишился матери, с периферии, это наши будущие региональные кадры». Алевтина выкладывалась по полной. Она краснела, бледнела, у нее перехватывало дыхание. Терять Алевтине уже было нечего, самоуважение за последний месяц достигло нуля, в итоге в ход она пустила последний аргумент. Конверт. Незаметно подсовывая деньги, Алевтина чувствовала, как от стыда и всей неловкости ситуации, у нее бешено колотится сердце, готовое разорваться на сотни маленьких кусочков. Кровь прилила к голове, и жилки на висках вибрировали. Алевтине казалось, что ее сейчас с позором выгонят из аудитории, и Мишеньке не видать учебы в столице. А, значит, будет переживать его отец, и, конечно, мама...

Но в своих прогнозах Алевтина ошиблась. Оказалось, что не только у нее были проблемы. Проблемы также были и у преподавателя, от которого зависел итог апелляции. Он никогда раньше взяток не брал. Не потому, что был слишком принципиальным, скорее, просто не было случая. В этот раз все было по-другому. Он хотел взять отпуск, болела жена. Встал вопрос об операции, срочно нужны были деньги. А тут эти экзамены, апелляции, комиссии, шут их дери. Отпуска не дали. Предупредили: или-или. На его кафедре были свои сложности. «Ну и пес с вами, – в сердцах о своих личных перипетиях думал экзаменатор, – одним бездарем больше-меньше, какая мне, собственно, разница? Может и правда, этот парень в сборную попадет, честь ВУЗа будет отстаивать, а я его не пропускаю?» Успокоив свою совесть, преподаватель положил конверт в свой карман:

– Ну, если говорите, что математиком он быть не собирается, тогда, действительно, его работе можно поставить удовлетворительную оценку, ваша апелляция рассмотрена положительно, можете идти.

Алевтина не могла поверить своему, вернее, Мишенькиному счастью. Покинув аудиторию, она все время истерично хихикала, подбадривая Мишеньку, что он, конечно же, будет учиться в таком прекрасном учебном заведении. Но абитуриенту – Мишеньке, видимо, было совершенно все равно, что она ему говорила, он шел спокойно и уверенно, поглядывая на проходивших по коридору девчонок. Его мысли были абсолютно далеки от всего происходящего. Где он будет учиться, в каком институте, на каком факультете. А насчет самого поступления он даже не сомневался.

Остальные экзамены прошли спокойно. Тройка по сочинению, зато остальные были пятерки, и Мишенька из разряда абитуриентов перешел в привилегированный отряд студентов. Алевтина постаралась. И все ею накопленные за последние два года деньги ушли на укрепление нового статуса двоюродного братца. Сам Мишенька почему-то приехал «пустой», хотя в последнем разговоре перед его приездом мама сказала Алевтине, что дядя обещал передать с сыном необходимую сумму. «Наверное, впопыхах забыли, потом вернут», – успокоила себя Алевтина. Но и эти деньги Але «по-родственному» так и не вернули. А выпрашивать Алевтина не хотела, ей было неприятно. Она еще помнила, как на вопрос о деньгах когда-то отреагировала ее тетка. Обиднее всего было то, что мама каждый раз вставала на сторону дорогих родственников, проблемы которых она принимала близко к сердцу.

– Аленька, – говорила мама, – мне неудобно просить, ты же знаешь, им тяжело, они обязательно все вернут, потерпи немного, не переживай. Ты все-таки в Москве живешь.

«Ну, причем тут Москва? – Але так и хотелось крикнуть матери в трубку, – а как мне живется в этой Москве, ты, мама, знаешь? Как мне, твоей дочери, тяжело, ты даже не догадываешься? И не знаешь, потому что я молчу, не жалуясь. У меня всегда все в порядке, говорю я тебе, я стараюсь быть веселой, когда мы разговариваем по телефону. Зачем мне рассказывать тебе о своих бедах? Ты даже не знаешь, что мне пришлось сделать аборт!».

Аля сдерживалась, скрывала свои проблемы от матери. Но и от Мишеньки Алевтина «спасибо» не дождалась. Поблагодарить ее он так и не удосужился, считал все само собой разумеющимся. Теперь он был студентом, отец постоянно присылал ему деньги. Кроме этого, учась на первом курсе, Мишенька без зазрения совести регулярно «занимал» деньги у Алевтины, сестрица все же, родня. Слово «занять» в Алином понимании в отношении Мишеньки всегда значилось в кавычках, так как дорогой братец свои обещания по возврату занятых материальных средств никогда не выполнял. Хорошо еще, что занимал он не очень большие суммы. Мишенька давно смекнул, что большую сумму Алька, как он называл свою двоюродную сестрицу, ему не даст, найдет аргументы, зато в небольшой сумме не откажет. Так оно и получалось, Мишенька в деньгах был большой тактик и мудрый стратег. А потом он а наладил свое дело, по тем давним советским временам считавшееся махровой спекуляцией. Заграничные вещи, которые приобретал для него отец, Мишенька продавал своим друзьям-приятелям за вполне приличные, по московским меркам, деньги.

Теперь «бедный мальчик с периферии» уже ни у кого ничего не занимал, своих денег у него было достаточно. Возможно раньше Мишенька и не знал предмет, зато в нынешнее время владел математикой в совершенстве. Математикой бизнеса. Получив диплом об окончании института, Мишенька ни дня не работал по специальности. Спорт его также не интересовал, и отстаивать честь родного учебного заведения, бегая за мячом по залу, Мишенька не собирался. Эффектная внешность и непринужденная манера держаться не раз спасали будущего бизнесмена от неудов на экзаменах. Плюс необычайно развитое красноречие. Да и учеба в столице пошла Мишеньке на пользу. Он удачно женился уже на последнем курсе. Для молодых особ Мишенька всегда был объектом страстного вожеления, хотя в Москве не имел «ни кола, ни двора». Все это было у тестя, который и обеспечил зятю завидное место в своем ведомстве. Перестройка шла полным ходом, здесь и там происходили бандитские разборки, передел собственности, рейдерские захваты. Ничего из этого Мишеньку не затронуло. Руко-

водимый родным тестем, он весьма удачно выплыл из мутных вод постсоветского пространства, став владельцем некой фирмы. В следующие годы фирма только набирала обороты, превратившись в элитную компанию по продаже электроники и бытовой техники, а Мишенька, соответственно, в преуспевающего бизнесмена. Теперь его никто Мишенькой не называл, даже близкие и дальние родственники. Для них он уже давно был Михаилом, солидным человеком. К сорока семи годам Михаил имел практически все, что мог бы пожелать любой другой человек, окажись он на его месте: процветающий бизнес, двухэтажный загородный дом на Новорижском шоссе, виллу где-то в Испании, жену, двоих детей и какого-то скакуна в придачу. Родственники так и переговаривались между собой: «где-то, какой-то», потому что знали об имуществе богатого родича лишь понаслышке, он никого из родных не привечал и к себе домой не приглашал. Мишеньку недолюбливали и за глаза называли Мишкой-олигархом, с явно презрительной интонацией. Симпатий Михаилу также не прибавило и то обстоятельство, что он не помог собственному отцу, когда у родителя обнаружили рак. Понадобились деньги на срочную операцию Михаил отдыхал тогда с семьей за границей. Деньги на операцию пришлось давать Алевтине. Она сняла со своей банковской карточки все до последней сотни. Практически то же самое, и в большем объеме, мог бы сделать и двоюродный брат, благо денежные переводы можно делать из любой страны. Но Михаил по только ему известной причине этого не сделал. К сожалению, Алевтиныны деньги не помогли. Мишин отец умер ровно через две недели после операции, день в день. На его похороны сын также приехать не смог, был слишком занят переговорами с зарубежными партнерами.

Так сложилось, что на протяжении трех десятков лет Алевтина была палочкой-выручалочкой для своих родственников и друзей. Она отдавала деньги то одним, то одалживала другим. Занятые суммы возвращали не многие. Те, кто не возвращал деньги, правда, больше и не просили. Исключение составлял лишь Мишенька в студенческие годы. Другие родственники и знакомые, вероятно, чувствовали неловкость или все-таки имели проблески совести. Но скорее всего они знали историю, когда Алевтина набралась смелости и отказала одному из родственников по материнской линии в одолжении денег на первый взнос в кооператив. Ему даже в голову не могло прийти, что у Алевтины на тот момент просто не было запрашиваемой суммы. Но Алевтина не стала никого разубеждать, ответила спокойно:

– Должникам я второй раз не одалживаю.

Родственники тогда смогли убедиться, что Алевтина все-таки не полная идиотка. Другой вопрос, что возврата денег Аля никогда не требовала и не напоминала, эту черту знали все. Алевтина искренне считала, что человек сам должен помнить о своих долгах, это же элементарная этика. К сожалению, морально-этические нормы, видимо, были известны не всем, и многие пользовались ее «забывчивостью». Но у Алевтины была хорошая память, и выводы она все-таки делала.

В этот раз позвонила давняя подруга. Они были знакомы еще со времен студенчества. Подруга рыдала:

– Алечка, боже мой, у внука обнаружили...

Валентина, подруга, перешла на шепот:

– Мне даже страшно произносить это слово. Господи, откуда у такой чудесной крошки эта болезнь?! Ты же знаешь, если что-то серьезное, у нас ничего не лечат! Все бесполезно, нет ни средств, ни возможностей. А нужно срочно! Время против нас. Лечение дорогое, но есть шанс! Алечка, ты понимаешь, есть! Мы уже и клинику нашли за границей. Аля! В чем мы провинились, Господи! Юленька и так одна, без мужа сыночка воспитывает. Негодяй попался, даже сына на свою фамилию не захотел записывать. Нам уже выслали стоимость лечения, с визой помогут, у мальчика будет индивидуальная программа. Аля, но мы должны внести стопроцентную предоплату! Иначе с Юленькой не подпишут договор. Боже мой, а у нас нет сейчас всей

суммы! А если понадобится продлить курс лечения или что-то дополнительно? Кредит я тоже не успеваю оформить...

– Валя, – перебила Алевтина причитания подруги, – сколько нужно?

– Нам не хватает трехсот тысяч..., – всхлипнула Валентина.

– У меня только сто пятьдесят, – вздохнула Алевтина.

Но подруга радостно воскликнула:

– Алечка, большое спасибо! Сто пятьдесят тоже на дороге не валяются. Еще муж у приятеля займет. Мы отдадим, мы обязательно отдадим...

– Валя, перестань, – Алевтина снова перебила подругу, – сейчас надо о внуке думать.

Как он?

– Он – лапочка! А на Юленьку как похож. Говорит уже, а ноженьки-то не ходят..., – Валентина опять заплакала, – славенький такой, улыбочивый... Алечка, – Валя спросила тихо, – а когда я могу приехать за деньгами?

– Прямо сейчас и приезжай, я только схожу в банкомат.

Алевтина отдала подруге все деньги, какие у нее были на тот момент. Почти двести тысяч рублей, считая только что полученную зарплату. Для кого-то эта сумма покажется абсолютно ничтожной, для кого-то, наоборот, слишком большой, для Валентины она была жизненно необходимой. Так считала Аля, глядя на небольшую стопку пятитысячных купюр, передаваемых на помощь маленькому незнакомому человечку. Лишь бы скорее начать лечение. А там даже Алевтина была согласна взять кредит, только бы помочь ребенку. Тем более, что у нее самой не было ни дочери, ни внука...

Подруги полчаса посидели на кухне, поплакали... Потом Аля вызвала для Валентины такси. Не ехать же с такой суммой на общественном транспорте, на ночь глядя. Перед уходом Алевтина сказала подруге:

– Валя, ты долг не торопись отдавать, – и, усмехнувшись, добавила, – у меня деньги эти на пустяки лежали, лечите малыша.

– Алечка, дай бог, дальше сами справимся, тебе огромное спасибо...

Уже стоя в дверях, Валентина опять расплакалась, покачала головой:

– Все спрашиваю себя и спрашиваю, за что же мне такое несчастье на старости лет? Все, ведь, хорошо было. С мужем счастлива, дед-то наш, хотя и пенсионер, но работает и еще на многое способен, – Валя вдруг лукаво улыбнулась, – дочь умница-красавица, внучок, счастье мое...

Внезапно Валентина выпрямилась, как будто что-то вспомнила или поняла, и словно прозрев, широко раскрытыми глазами посмотрела на Алевтину:

– А может, это за Геру? Не скажи я ему тогда, может, и у вас все бы сложилось по-другому...

Подруга не вернула деньги Але ни через год, ни даже через три года. Лечение на внука действовало благоприятно, но курсы реабилитации следовало повторять, а это требовало новых денежных вливаний. Валя звонила Алевтине, извинялась, просила подождать и на нее не сердиться. Алевтина все понимала и в свою очередь просила подругу не беспокоиться о деньгах.

– Валя, пойми, – успокаивала она подругу, – деньги, как река, притекут-утекут. Хуже, если в них можно захлебнуться и погибнуть, как в сказке о жадном радже. А так... будто постоишь на берегу, зайдешь в воду, намочишь ноги, – Аля вздохнула, – а потом пойдешь к себе домой, босая да налегке. Как хорошо!

– Боже мой, Аля, эти вечные твои аллегории! Кому сейчас легко? – не понимая, спрашивала Валентина и снова просила прощения у своей подруги.

Время неумолимо летело вперед. К прожитому году добавлялся следующий. Алевтина Михайловна давно разменяла шестой десяток, и перед выходом на пенсию очень хотела сде-

лать себе дорогой подарок. Заслужила! Тем более, что подарок был выбран. Шуба. Правда, Алевтина не торопилась стать пенсионером в общепринятом смысле. Она намеревалась только оформить пенсию, а дальше продолжать работать, пока не выгонят. А что еще остается делать одинокой женщине в годах?

Купить красивую шубу и приходиться в ней на работу. Алевтина улыбалась своим мечтам. Смешно, но шубка стала ее наваждением. Так давно хотелось купить, и все никак не получалось.

И все-таки этот день настал. Алевтина Михайловна радовалась, как ребенок, что она, наконец, сможет стать обладательницей чудесной шубы. Заказать шубу по интернету Алевтина не хотела. Не известно, что привезут. Ей было необходимо видеть изделие, потрогать мех, осмотреть подкладку.

В одну из суббот, в конце октября Алевтина поехала на меховую ярмарку. Вероятно, лучше было дожидаться весны, когда будут снижены цены. Но сезон продаж уже начался, и ей очень хотелось СЕЙЧАС. И потом Алевтина надеялась, что на понравившуюся шубу накопленных денег хватит, а возможно будут какие-нибудь скидки.

День выдался чудесный. Алевтина улыбнулась, взглянув на небо. Синее-синее! Она повертела головой в разные стороны. «Надо же, – подумала про себя, – ни облачка. Это знак!». Воздух был прохладен и свеж, Алевтина глубоко вздохнула, расширив ноздри. Было еще довольно рано для субботнего дня, но Алевтина всегда считала, что все важные дела надо начинать выполнять как можно раньше. Опавшие листья клена, тополя, липы, березы вперемешку лежали на земле и тротуарных дорожках. Их еще не успели собрать дворники и упаковать в черные мешки, чтобы потом вывести на свалку и оставить там гнить без всякой пользы. Ночью был небольшой заморозок, листья покрылись легким инеем, и их края были опушены белой каймой. Алевтина шла, наступая на листья, а они шелестели и хрустели под ее ногами. И в этом хрусте Аля неожиданно почувствовала хрупкость любой жизни и зыбкость бытия...

Алевтина побывала на ближайшей ярмарке, потом поехала на другую. В третьем торговом центре, где оказался самый большой выбор, она ходила от ряда к ряду вывешенных шуб уже второй час. К ней подходили продавцы, предлагали модели, Алевтина мерила и... каждый раз возвращала предложенную шубу обратно. Ей ничего не нравилось. И это было самое удивительное! Алевтина никогда бы раньше не подумала, что таким сложным окажется этот выбор. Какой-то шубы! Смешно, право. Справедливости ради стоит сказать, что парочка моделей Але все-таки понравилась, и фасон, и цвет, но цена... Цена была намного больше, чем имелось у Алевтины наличности. Поэтому, Алевтина эти шубы даже не мерила. Вдруг подойдет? Зачем расстраиваться. А так, была надежда, что на ее фигуре эти модели просто не смотрелись.

Алевтина устала, ей хотелось домой. Она понимала, что сегодня шубу уже не купить. Как-нибудь в другой раз. Она съездит в другие магазины или дождется весны. Спускаясь по эскалатору, она обратила внимание еще на одну витрину. Кажется, сюда она не заходила. Алевтина наскоро осмотрела несколько шуб, но ей опять ничего не понравилось. К ней подошла молодая продавец:

– Вам помочь?

Алевтина хотела отмахнуться, ничего не объясняя, но девушка была такая симпатичная и так мило улыбалась, что Аля тоже улыбнулась и вздохнула:

– Понимаете, я первый раз в жизни хотела купить шубу, сделать себе подарок к Новому году. Но ничего не могу подобрать. Понимаете, ни-че-го.

Алевтина развела руками. Девушка внимательно слушала.

– Я хожу по магазинам с самого утра. Но мне ничего не нравится. А хочется, чтобы увидела и... пропала! Вы меня понимаете?

– Понимаю, – девушка улыбнулась, – а на какую сумму вы рассчитываете?

Алевтина ответила.

– А Вы хотите длинную или укороченную?

– Конечно, длинную, – сказала Алевтина, – ну, не обязательно, чтобы шуба пол подметала, хотя бы по щиколотку. И цвета какого-нибудь... ну, я даже не знаю какого...

– Мне все ясно, – засмеялась продавец, – а почему Вы не хотите укороченную? Сейчас такие шубки в моде, и за руль в такой шубе садиться удобно...

– Я не вожу машину, – перебила продавца Алевтина, – и потом, девушка, куда мне, в моем возрасте, короткую...

– А с брюками? – удивленно спросила продавец.

– Но я предпочитаю брюки не носить, – ответила Алевтина.

– Но сейчас-то Вы именно в брюках! – парировала настырная девушка.

– Да-а, в брюках, – Аля как бы с удивлением посмотрела на свои ноги, – но это... я надела, чтобы удобнее по магазинам было ходить.

– Я почему Вас так долго расспрашиваю, – сказала продавец, улыбаясь, – у нас есть очень интересная модель Вашего размера, правда, она укороченная. Нет-нет, не бойтесь так, – девушка засмеялась, встретившись с испуганным взглядом Алевтины, – именно, укороченная, до колен. Очень симпатичная шубка, примерим?

Алевтина была в растерянности и молча пожала плечами. Она была так расстроена предыдущими примерками, что ей было уже все равно. Укороченная так укороченная. В конце концов, померить-то ее она может!

А продавец уже несла ей шубку. Откуда она ее достала, Алевтина даже не успела заметить, так была шустра продавец.

Алевтина посмотрела на шубку и обмерла. Это была норковая шуба. А какой у нее был цвет! Нежный – нежный, светло кофейный с молоком. Алевтина точно помнила, что такого цвета ей сегодня еще ни одна шуба не попадалась.

– Вы только посмотрите, какого она цвета, – говорила продавец, помогая Алевтине надеть шубу, – а какой выработки мех, а как сделана подкладка, какие швы? Вы видите?

– Да-да, – механически отвечала Алевтина, отыскивая ценник.

Шуба стоила дорого, но она ЭТОГО стоила! Алевтина в этом убедилась, когда надела шубу и посмотрела на себя в зеркало.

Алевтина стояла перед зеркалом и рассматривала себя со всех сторон. На нее смотрела совсем другая Алевтина. Помолодевшая, с озорными искорками в глазах... Алевтина впервые за долгие годы улыбнулась так, как счастливо улыбаются дети красивой игрушке. Продавец тоже радостно улыбалась. По ее лицу можно было прочесть: «ну, вот, видите, я же говорила!».

«Все, беру! – думала про себя Алевтина, – укороченная, но все, что надо, закрывает. А мех какой, а цвет! И сумма, написанная на ценнике, у меня с собой есть».

Алевтина погладила шубку.

– Как Вам идет! – щебетала продавец, – и как с брюками хорошо, просто чудесно!

– Только, знаете, я должна Вас предупредить, – неожиданно сказала продавец несколько расстроенным голосом, – есть небольшой брак...

– Какой брак? – испугалась Алевтина, оглядывая шубу спереди и поворачиваясь спиной к зеркалу, пытаясь разглядеть сзади, – я ничего не вижу...

– Ой, да Вы не бойтесь, – махнула рукой продавец, – мы сделаем еще небольшую скидку. Брак не на шубе, вот, посмотрите, а на пуговице.

Алевтина подошла вплотную к зеркалу и стала рассматривать пуговицу. Пуговица была очень красивой, пластмасса имитировала камень, кажется, мрамор, подумала Алевтина, и по этому мрамору, как будто бежала золотая змейка, так была сделана инкрустация металлом.

– Вот, посмотрите, хвостик у змейки отломан, вернее, выщерблен, получается не очень красиво..., – виновато объяснила продавец.

– Да, ерунда какая-то, – отмахнулась Алевтина, – я бы даже и не заметила, если бы Вы не сказали. . .

– Ой, какая шубка! Ты только посмотри! Я хочу эту шубу!

Алевтина вздрогнула и обернулась.

Позади нее стояла пара, девушка и мужчина. Они только что зашли в этот бутик. Мужчине по виду можно было бы дать лет сорок – срок пять, а девушке – не более двадцати одного – двадцати двух лет. Видимо дочь с отцом, подумала Алевтина. Девушка подошла вплотную к Алевтине и с нескрываемым интересом разглядывала шубку. Она даже провела рукой по рукаву. Алевтина несколько опешила, но ничего не сказала, она только с удивлением смотрела на проявление такой бестактности.

– А у вас есть еще такая? Я хочу надеть, – подскочила девушка к продавцу.

– Нет, такая модель у нас в единственном экземпляре, – возразила продавец таким тоном, что Алевтина уловила в ее голосе нотки злорадства.

– Но ты, ведь, мне ее купишь, правда? – девушка подбежала к своему спутнику.

– Девушка, я уже ее покупаю, – миролюбиво улыбнулась Алевтина.

– Но еще, ведь, не купили! – выпалила в ответ девица и нетерпеливо дернула мужчину за рукав.

– Крис, тебе же сказали, – усталым голосом произнес мужчина, – эта женщина уже покупает шубу. Посмотри что-нибудь другое или пойдем в другой отдел.

– Никуда я не пойду! Я уже и так измотана, – взвизгнула девушка, – и я хочу только эту!

Девушка от нетерпения даже топнула ногой, как обиженный ребенок. Девица начинала раздражать, тем более она опять почти вплотную подошла к Алевтине. Аля инстинктивно сделала небольшой шагок назад и попыталась дружелюбно сказать:

– Девушка, правильно говорит Ваш папа, Вам надо. . .

Но Алевтина не договорила, девушка ее бесцеремонно перебила:

– Это не папа! Это мой муж!

– Извините, – изумленно проговорила Алевтина, взглянув на мужчину. Они встретились глазами, и мужчина, как будто виновато, слегка ей улыбнулся.

– Давайте я Вам покажу другие модели, – предложила продавец, – пойдемте к этому ряду. . .

– Никуда я не пойду! – вновь воскликнула девушка, ее щеки порозовели.

– Кристина, тебе нельзя так волноваться, подумай о. . ., – мужчина попытался взять жену под руку, но она нервно выдернула руку.

Тогда продавец обратилась к Алевтине:

– Пойдемте к кассе, я пробью Вам чек.

– Да-да, конечно, – сказала Алевтина, снимая шубку и кладя ее на прилавок.

В этот момент девушка подбежала к прилавку и схватила шубку в охапку. Она уставилась на Алевтину вытаращенными глазами и опять закричала:

– Зачем тебе такая шубка?! Ты себя в зеркало видела? Старая страшная тетка, и фигуры у тебя никакой нет! Страшная, страшная, страшная! Купи себе длинную и носи! А это моя, моя. . .

Девица заплакала, у нее была самая настоящая истерика. Алевтине даже показалось, что она оседает на пол. Видимо, это показалось не только ей, так как муж девицы подбежал к прилавку и подхватил свою жену сзади.

Алевтина зажмурилась, внутри у нее все клокотало от обиды и несправедливости. «Паршивка маленькая, как не стыдно, я же тебе в матери гожусь!». Лицо Алевтины покрылось пятнами. Так всегда случалась, когда она сильно волновалась. А здесь поводов для волнения было много. Мало того, что Алевтина не могла выносить, когда на нее кричат, так еще и малолетки. А эта девчонка ей даже тыкала и называла старой и страшной. «Боже мой, – думала про себя

Алевтина, – неужели я произвожу такое ужасное впечатление? Старой и страшной? Значит, все мои ухищрения выглядеть моложе напрасны?» У Алевтины тряслись руки, она никак не могла попасть в рукав пальто. Никакого другого желания, кроме, как скорее убраться отсюда, у Алевтины уже не осталось.

Кое-как нацепив на себя пальто, Алевтина схватила свою сумочку и выскочила в коридор магазина.

– Куда же Вы, женщина, по стойте! – крикнула ей в след продавец.

Но Алевтина только покачала головой на ходу, ей не хотелось оборачиваться, слезы ручьем уже лились по ее щекам...

Алевтина приехала домой. День, так радостно начавшийся, окончился настолько бесславно. Делать ничего не хотелось. Аппетита у Алевтины не было, не хотелось не только ни ужинать, но даже просто выпить чаю. Аля сидела на диване с опущенными вниз руками. Она, конечно, уже не плакала, но чувствовала, что слезы находятся где-то рядом, и при удобном случае снова прорвутся наружу. Алевтине было очень тоскливо, если не сказать хуже. Ей было ОДИНОКО. Некому было поплакаться в жилетку или хотя бы просто пожаловаться. Звонить приятельницам по подобным пустякам Алевтина не привыкла. Ну, не купила сегодня шубку. В следующий раз куплю. Честное слово, смешно! Всего того, что в душе, не объяснишь.

Алевтина взяла томик стихов Андрея Дементьева. Неожиданно захотелось перечитать любимые. В его стихах Алевтина всегда находила душевные нотки и настроения, созвучные своим собственным. Вот и сейчас томик раскрылся на строках:

Особенно тоскливы вечера,
Когда ты в доме у себя, как пленница.
Сегодня так же пусто, как вчера.
И завтра вряд ли что-нибудь изменится.

И это одиночество твое
Не временем бы мерить, а бессонницей.
То книги, то вязанье, то шитье.
А жизнь пройдет – и ничего не вспомнится.

И все-таки однажды он придет.
И сбудутся надежды и пророчества.
Твой он губы в темноте найдет.
И шепотом прогонит одиночество.

«И шепотом прогонит одиночество...», – тихо пробормотала Алевтина. Как же это было давно... больше четверти века назад...

***

Они познакомились в аспирантуре. Герман должен был защищать диссертацию на два года раньше Алевтины. Он тоже не был москвичом и жил, как и Алевтина, в общежитии. А познакомились случайно и банально. В библиотеке. Алевтина сидела с краю, около прохода. Германа она даже не видела, как и всех остальных, идущих вдоль прохода. Алевтина смотрела поверх стола, мысли были далеки от окружающего ее мира, все результаты опытов, проведенных в лаборатории, удачно вписывались в тему диссертации, Алевтина даже улыбнулась.

– Вы мне улыбнулись, – неожиданно около себя услышала Алевтина.

Молодой человек остановился около ее стола, и, судя по выражению его лица, он был намерен познакомиться. Алевтина очень испугалась, что молодой человек сочтет ее навязчивой девицей, поэтому замахала рукой и строго ответила:

– Извините, если так получилось, но это я не Вам улыбалась, а своим мыслям.

– Ну и что, что не мне, – молодой человек был настойчив и продолжал стоять рядом, – все равно приятно видеть улыбающееся лицо, а то посмотрите, все такие сосредоточенные...

И он обвел зал рукой. Алевтина невольно проследовала взглядом за его рукой. И действительно, все вокруг, кто уткнулся в книги, а кто ищущим взглядом осматривался в поисках удобного местечка. Все были весьма серьезны. Тогда Алевтина улыбнулась уже наблюдению своего собеседника и кивнула в знак согласия.

Конечно, они познакомились, так как оба этого хотели. Алевтина поняла сразу, что не будет препятствовать знакомству с ним, что нередко происходило с другими молодыми людьми, желающими свиданий с ней. Аля почувствовала это, как только взглянула на него. Внутри что-то кольнуло, то ли ветерок пробежал. Герман был ей симпатичен с первого взгляда. Ведь так бывает! И имя у него такое необыкновенное...

Герман сел рядом с Алевтиной. Соседнее место было свободным и как будто ожидало именно его. Наверное, такое стечение обстоятельств давно было задумано кем-то третьим, а Алевтина ни о чем даже не догадывалась. В этот день плодотворно поработать, как того требовала наука, им не удалось. Оба были внутренне возбуждены, все время перешептывались и в результате ушли вместе из библиотеки намного раньше, чем планировали.

Уже выйдя из института на улицу, Герман и Алевтина были крайне удивлены, выяснив, что они, оказывается, живут в одном общежитии, только на разных этажах. И раньше никогда друг друга не видели. А сегодня вдруг встретились. Судьба? Оба засмеялись. Именно в этот момент, смеясь, Алевтина неожиданно поняла, что только этого мужчину она будет любить всю жизнь.

В таких случаях, как у Алевтины и Германа, принято говорить, что роман двух влюбленных развивался стремительно. Так оно и было на самом деле. Они уже не могли провести день, не увидев друг друга. А, встречаясь, никак не могли наговориться. Что тоже было невероятно. Ведь очень часто молодые люди не знают, о чем говорить, и просто молчат, хотя и держатся за руки. Но у них все было по-другому. Если о чем-нибудь первым начинал говорить Герман, Алевтина тут же подхватывала и продолжала его мысль. И наоборот. Когда Алевтина обращалась к Герману с любимым вопросом «А ты знаешь?... Ты понимаешь?» Герман знал и понимал. Из него не надо было вытягивать слова, и можно было, не боясь самой показаться глупой, и задавать любые нелепые вопросы. Он был так не похож на других мужчин, окружавших Алевтину. Зато они, Герман и Алевтина, были настолько похожи во взглядах на жизнь, в понимании действительности и своих мироощущениях, и было даже как-то странно осознавать, что они не знали друг друга с детства. Оба любили науку, природу и детей.

Но в первый раз они поцеловались только после недели знакомства. Ни до чего более серьезного дело пока не доходило. Другие были времена. Хотя Алевтина уже втайне этого желала и чувствовала, как Герману приходится себя сдерживать, чтобы не перейти грань дозволенного. Она ощущала это по его сильным объятиям, по прерывистому дыханию, как с каждым разом ему все труднее и труднее от нее отстраниться...

Как всегда бывает, то, что должно случиться, когда-нибудь случается. Все произошло в новогоднюю ночь, точнее в первое новогоднее утро. Праздник тогда отмечали шумно и весело, на квартире у будущего мужа Алиной подруги по институту – Валентины. Были ребята из их студенческой группы, всего человек десять-одиннадцать, Алевтина сейчас уже точно и не помнила. Родителей Валиного жениха дома не было. Валя тогда шептала Алевтине на ухо, что со свекром и свекровью ей неслыханно повезло, мало того, что ее, не москвичку,

приняли как свою, а это уже само по себе – чудо, так еще и с пониманием отнеслись к молодежи, уехали справлять Новый год к родственникам!

Застолье, танцы, песни под гитару, а потом Алевтина с Германом ушли. Хотелось подышать свежим воздухом и... побыть вдвоем.

Они медленно шли по заснеженному городу. На крышах домов переливалась праздничная иллюминация, а окна светились веселыми огоньками новогодних елок и экранов телевизоров. Навстречу попадались веселые компании, которые радостно кричали «С Новым Годом!». Герман и Алевтина, держась за руки, ни на минуту не отпуская друг друга, тоже весело кричали в ответ и махали руками. Никогда еще раньше Алевтина не была так счастлива, как в тот новый год. Сердце щемило от предвкушения чего-то неведомого, но настолько влекущего, что осознание этого вызывало у Алевтины мурашки по всему телу. Она чуточку дрожала.

– Тебе холодно? – Герман остановился, – я чувствую, ты дрожишь.

– Да, есть, немного, – улыбнулась в ответ Алевтина, и посмотрела ему в лицо.

Герман прижал ее к себе, снял перчатку и нежно погладил по холодной щеке, сметая опускающиеся снежинки.

– Аль, а, ведь, я тебя люблю..., – тихо проговорил Герман, глядя Алевтине в глаза.

...Он ушел из ее комнаты, когда давно уже был день, и яркие лучи холодного январского солнца пробивались сквозь зашторенное окно. Соседка Алевтины по комнате тоже встречала Новый год где-то в компании и собиралась вернуться не раньше обеда, поэтому несколько часов они были полностью предоставлены друг другу.

«Гера, мой любимый Гера, Герочка...», – чуть слышно шептала Алевтина, и казалось, она говорит это только мысленно. Она гладила его по гладко выбритой щеке, еще не успевшей за ночь обрасти жесткими щетинками. Наверное, это и есть То, что называется Счастьем. Во всяком случае, то внутреннее состояние, которое Алевтина ощутила в эту первую с Германом ночь, навсегда осталось в ее памяти. Слезы лились по ее лицу.

– Почему ты плачешь, я сделал что-то не так, тебе больно? Дорогая, скажи мне, – говоря это, Герман вытирал слезы и целовал ее губы, заплаканные глаза, щеки.

Алевтина мотала головой, от переполнявших ее эмоций говорить не было сил, она пыталась ему ответить, но лишь улыбалась и снова плакала. Наверное, Герман не совсем точно ее понял, потому что он наклонился над Алевтиной и стал ее успокаивать:

– Все хорошо, Аленька, все будет хорошо, ты, пожалуйста, не волнуйся, мы обязательно поженимся. Обязательно! Мне сейчас особенно много надо работать, а через два года, даже меньше, я защищу диссертацию, и мы сразу подадим заявление в ЗАГС. А потом и ты свою защитишь.

– Но тебя мы ждать не будем, не будем, – Герман неожиданно засмеялся, стал тихонько ее щекотать и говорить шутливым тоном, – потому что дядя Герман будет обеспечивать маленькую девочку, а маленькая девочка будет дальше дописывать свою работу, и у нас будет семья, и нам дадут комнату в семейном.

Алевтина тоже смеялась, и они, обнявшись, перекатывались по кровати. И целовались, целовались, целовались... Они были такие молодые и такие счастливые.

Потом Герман вдруг опять стал серьезным.

– Аля, только обещаю тебе, пожалуйста, – Герман крепко сжал ее ладонь, – если вдруг так случится, ну, ты меня понимаешь?

– Нет, – Алевтина опять замотала головой, она была так одурманена своим счастьем, что даже не понимала Германа, – о чем ты говоришь?

– Если вдруг..., – Герман на мгновение замолчал, – ну, если ты почувствуешь, что беременна...

«А-а, вот он о чем», – подумала про себя Алевтина.

– ...ты сразу скажи мне об этом, – доносился до ее сознания голос Германа, – только скажи. Мы сразу поженимся, с диссертацией я как-нибудь разберусь. Ничего не делай! Будем ждать рождения ребенка. Аленька, ты меня поняла, ты мне сразу скажешь, обещаешь?

Алевтина смотрела на Германа, и до нее все отчетливее доходил смысл его слов. Какой же все-таки Герман удивительный мужчина! Все мужики только и делают, что бегут от своих женщин, узнав, что они беременны, а Герман наоборот. Хочет сразу жениться, лишь бы его любимая не совершила опрометчивый поступок и не лишила себя ребенка, отцом которого он уже готов быть сейчас. «Ребенок – это дар, так всегда говорила моя мать, а я ее очень любил, светлая ей память, ты же знаешь у меня еще три сестры и брат...», – доносились до Али слова Германа.

Поэтому Алевтина очень испугалась, когда решила, что забеременела с этого первого раза. Но все обошлось, и она облегченно перевела дух. Впредь она стала осмотрительней и предпринимала различные женские ухищрения, чтобы раньше установленного времени не стать мамой.

Подруга Валентина вскоре вышла замуж. Алевтина была свидетельницей на ее свадьбе. Они с Германом были в числе главных гостей со стороны невесты, не считая родни Валентины. А сама невеста не могла нарадоваться свалившемуся на нее счастью. Валентина так и искрилась, улыбка не сходила с лица, а ее залихватистый смех звенел громче остальных.

– Вам тоже надо поскорее пожениться, – зашептала Валентина Але после очередного «горько», – чтобы он никуда не делся.

«Да куда же он денется?» – с удивлением мысленно задала вопрос Алевтина. Потом сказала об этом вслух и добавила:

– Он же любит меня, Валя, и потом, я хочу, чтобы он сначала защитил диссертацию.

– Ну, как знаешь, – передернула плечами Валентина, – надо ковать железо, пока горячо, поговорка известная. Мой, вон, никакие диссертации не собираются защищать, а какой мужик! А мужчины, – Валентина как-то странно посмотрела на Алевтину, – они такие, вдруг берут да и деваются куда-то. Смотри.

Ответ подруги Алевтине не понравился, и некоторое время она сидела молча, ей почему-то стало очень грустно, если не сказать печально. Из этого невеселого состояния ее вывел сидящий рядом Герман. Он вопросительно посмотрел на нее, беря нежно за руку, улыбнулся и пригласил танцевать, как раз объявили танцы.

Дальше все шло, как и должно было быть. Алевтина и Герман много работали, каждый над своей диссертацией. Но виделись ежедневно. Просто по-другому они уже не могли, нуждались друг в друге.

А потом Алевтина почувствовала, что беременна. Как это случилось, она не могла понять. Где она допустила промашку, в какой момент расслабилась? Сейчас это уже не имело никакого значения. Когда Алевтина шла на первичный прием в женскую консультацию, она чуточку, ну, самую малость, но надеялась, что она в своей беременности ошиблась. Но факт был налицо, и с этим надо было что-то делать.

– Будем рожать? – вопрос врача застал Алевтину врасплох.

– Я не-е знаю, – пробормотала Алевтина.

– А кто знает-то? Муж? – пожилая врач ухмыльнулась.

– Нет, он еще не знает, – покачала головой Алевтина.

В глазах ее читалась такая неуверенность и боль, что врач снова спросила:

– А он, муж, вообще-то есть? Или так?

– Мы пока еще не расписаны, – Алевтина нашла в себе силы и улыбнулась, – но...

Врач ее перебила, за годы практики она ко многому привыкла, осмотрела множество женщин, и проблемы каждой из них ей были ни к чему, своих хватало, поэтому она никого не уговаривала и объясняла предельно ясно:

– Все понятно. Значит так, голубушка. Беременность у тебя первая, поэтому советую рожать. А если захочешь на аборт, решать тебе, но не тяни. Срок достаточный, поэтому на раздумье даю тебе дня три. Решишься, придешь за направлением в стационар. Аборты у нас не запрещены. А не придешь, значит, будешь рожать.

Хорошо, что Герман уехал в командировку, они не увидятся почти неделю. Разговаривать с ним сейчас Алевтина была не в состоянии. Делать аборт он ей не разрешит. Это Алевтина знала точно. Но и рожать она была не готова. Это ставило под вопрос защиту диссертации Германа, да и ее собственной. С ребенком надо было бы повременить еще года три, ну, в крайнем случае, два.

«Господи, ну, почему именно сейчас?!» – Алевтина снова и снова мысленно повторяла эти слова, возвращаясь из консультации. Шла она пешком, медленным шагом, опуская глаза, когда кто-нибудь попадался ей навстречу. Не хотелось ни с кем встречаться глазами, полными слез.

Алевтина вошла в телефонную будку и позвонила Валентине. Подруга ответила коротко: – Приезжай.

Аля пробыла у Валентины до самого вечера. Тема была настолько животрепещущей, Валентина сама находилась на пятом месяце беременности, что подруги никак не могли остановиться, проговорили, пока не вернулся с работы Валин муж.

Беседа с подругой, ее доводы в пользу одного или другого варианта помогли Алевтине принять решение. Она твердо решила делать аборт, не ставя в известность Германа, тем более он находился в отъезде. Судьба благоволила к ней. «Да простит меня Господь», – утешала себя Алевтина.

– Только умоляю, – попросила подругу Алевтина, – ни при каких обстоятельствах не говори об этом Герману. Обещаешь?

– Конечно, обещаю, – ответила Валентина, – не волнуйся.

Все прошло очень быстро. На третий день Алевтина уже выписалась из больницы. Она даже не стала оформлять больничный лист, не хотелось давать повода для сплетен, просто отпросилась у руководства на два дня «поболеть» в связи с простудой. Ее, конечно, отпустили, так как Алевтина никогда раньше прогулами не злоупотребляла.

Приехал Герман. Он очень соскучился по Алевтине за те несколько дней, пока они не виделись. И даже когда она сослалась на определенное женское недомогание, не стал настаивать на близости и оставался нежным и внимательным к ней. От всего происшедшего с ней Алевтине было не по себе, она чувствовала себя убийцей и предателем, по ночам ей снились страшные сны. В какой-то момент Аля очень сильно пожалела о том, что совершила, но вернуться назад в прошлое и все изменить было уже невозможно, оставалось только жить дальше, двигаться вперед и попытаться все забыть.

Время лечит... Потихоньку Алевтина стала забывать случившееся. Конечно, не забывать, а просто меньше об этом думать и терзаться. Самое главное, что они с Германом были вместе и любили друг друга. Нервотрепка перед защитой диссертации Германа, приезд Мишеньки и перипетии с его поступлением оттеснили в самый дальний уголок памяти Алевтины воспоминания о нерожденном ребенке...

Так получилось, что Герман защитил свою диссертацию в один и тот же месяц, когда маленькой дочери Алиной подруги исполнился год. Валентина позвала друзей отметить эти важные события вместе у них дома. Алевтина давно так не отдыхала, как в тот вечер. Смех, шутки, тосты, забавное поведение маленького человечка – все это делало окружающий мир совершенным. Только время от времени, когда Алевтина видела, как Герман играет с чужим ребенком, ей становилось жутко.

Они уже собрались уходить, было довольно поздно. Радостные, стояли в коридоре, прощались. Неожиданно в прихожую выбежала девочка. Она уже была в пижамке, Валентина уло-

жила ее спать, но ребенок никак не хотел оставаться один у себя в комнате. С веселым смехом она протянула свои маленькие ручки к Герману, и он взял ее на руки.

– Никак не хочет отпускать дядю Германа, – сказал муж Валентины, смеясь, – надо вам, братцы, уже своего рожать.

– Если бы Алька не сделала аборт, у них бы уже давно был свой... – махнув рукой, проговорила Валентина, она была пьяна. Но, сказав это, Валентина ойкнула, сразу зажала рот руками и с ужасом посмотрела сначала на Алевтину, потом на Германа.

У Алевтины помутнело в глазах. Она боялась взглянуть на Германа. «Боже мой, Валя, что же ты натворила, ты же обещала», – Алевтине казалось, что она сейчас упадет на пол. Воцарилось общее молчание, только маленькая девочка что-то курлыкала, теребя Германа за ухо. Он медленно опустил ребенка на пол. Выпрямился, посмотрел на Алевтину. Второй раз за этот вечер Алевтине стало жутко. В глазах Германа была чернота.

Теперь уже Алевтина не помнила, как они вышли из квартиры, как очутились на улице. В памяти мелькали только отдельные эпизоды. Герман шел впереди очень быстро, Аля отчетливо видела это сейчас, его спину, сгорбленную в один миг, его наклоненную голову. Алевтина бежала за ним, кажется, она что-то ему кричала, и рыдала, рыдала, рыдала. Она спотыкалась, каблук подворачивался, она приседала и снова бежала. Он будто ее не слышал. Но, когда Алевтина все-таки догнала его, упала на колени и прижала голову к его ногам, Герман остановился.

– Гера, Герочка, прости меня, – Алевтина захлебывалась от рыданий, – прости, прости меня, умоляю, Герочка... я люблю тебя, Герочка...

Алевтине было все равно, что рядом с ними проходят люди и с удивлением смотрят на них. Она никого не видела. И Герман, наверное, тоже. Оба находились в другом мире, но уже каждый в своем.

Потом Герман тихо сказал, Алевтина даже не узнала его голос, настолько он был другим: – Встань, холодно.

Она встала. Герман сразу пошел вперед. Алевтина снова догнала его, они шли наравне рядом, но не вместе. Всю оставшуюся дорогу Герман не проронил ни слова. Алевтина тоже молчала. Войдя в здание общежития, они расстались, Герман пошел на свой этаж, Алевтина – на свой. Заговорить с Германом снова Алевтина боялась.

Ночью Аля заснуть так и не смогла. Она ворочалась с боку на бок и тихо плакала. Придумывала про себя множество вариантов, как ей получить прощение Германа, но чувствовала, что Герман ее уже не простит никогда.

Так и случилось. Они не виделись почти месяц. Вероятно, Герман теперь специально избегал встречи с ней, сам он к ней не приходил, а она, зная свою вину, не пыталась с ним объясниться.

Но, живя рядом и работая на одном факультете, рано или поздно встретиться все же придется. Они столкнулись у выхода, в конце рабочего дня. Она боялась, что он не станет с ней разговаривать, но ошиблась. Поздоровался скупой, как с чужой.

– Удели мне пять минут, – голос Алевтины дрожал.

Герман молча кивнул.

Они прошли в палисадник, сели на скамейку, на расстоянии друг от друга. Алевтина говорила сбивчиво, сердце колотилось, руки дрожали. Он слушал молча, на нее не смотрел, глядел куда-то впереди себя. Алевтина замолчала, но он опять не проронил ни слова. Нервы у Али сдали, и она закричала:

– Ответь мне хоть что-нибудь, только не молчи!

И тогда он ответил. Он говорил негромко, на нее не глядя, но каждое его слово, как будто ударом молота вбивалось в ее голову.

– Мне трудно говорить с тобой. Я больше не могу доверять тебе. То, что было у меня внутри, умерло вдруг, его больше нет, я уже не чувствую его. У меня больше нет чувств к женщине, которая... которая убила моего ребенка... нашего...

Голос Германа дрогнул. От последних его слов Алевтину начало знобить, кожа покрылась мелкими пупырышками. Она с нескрываемым ужасом взглянула на него и увидела, как Герман на миг закрыл глаза, и ей показалось, что по его щеке потекла слеза. Он отвернулся, прошло несколько секунд, он снова повернул голову и посмотрел на Алевтину. Выражение его лица было спокойным, и Алевтина поняла, что решение он уже принял. В горле у Али пересохло, она пыталась сглотнуть, но у нее ничего не получалось. Кое-как вымучив из себя слова, Алевтина судорожно заговорила:

– Но, но... мы же можем начать все сначала, забыть, начать с белого листа, как будто этого не было...

– Но Это Было! – чеканя каждое слово, проговорил Герман и встал.

Алевтина тоже встала. Она все еще хваталась за соломинку.

– Но ты простишь меня?

– Я не смогу... прощай..., – Герман говорил негромко, Алевтина опять не узнавала его голос, в нем появились незнакомые ей интонации.

Как подкошенная, Алевтина снова опустилась на скамейку. Герман уходил, не оборачиваясь. Алевтина заморожено смотрела ему в след. В левой стороне груди ощущалась тяжесть, ее слегка подташнивало. Алевтина тихо плакала. Она с силой зажмурила глаза, пытаясь справиться с внутренней болью, но это не помогло. Когда она открыла глаза, Германа она уже не увидела. Он ушел. Теперь Алевтина знала, как умирает счастье...

После расставания с Германом вести прежний образ жизни у Алевтины не получалось. Она никак не могла сосредоточиться на своей работе. Алевтина ловила себя на мысли, что те исследования, которые ей пришлось провести, с каждым днем становились для нее все менее значимые, а сама тема диссертации – не актуальной и никому не нужной. Она стала ощущать свою бесполезность, внутреннюю опустошенность и постоянную нервозность. Алевтина стала рассеянной, вздрагивала, когда ее окликали, у нее все вываливалось из рук, она отвечала невпопад коллегам, и в основном находилась в молчаливом состоянии. Работа над диссертацией зашла в тупик. Происшедшие с ней перемены настолько сильно бросались в глаза, что Алевтину вызвал к себе ее научный руководитель.

– Алевтина, что происходит?

– Ничего, – Аля пожалла плечами.

– Вот, именно, я вижу, что ничего. За последние три недели ты несколько не продвинулась. Тема движется к завершению, а конечного результата нет! Его просто не будет. Ты видела, что происходит в лаборатории? В каком состоянии находится опытная партия? Это же полгода работы! В таком темпе ты не успеешь к сроку!

– А мне некуда спешить, – безразличным тоном ответила Алевтина.

Сказав это, она посмотрела на своего руководителя. Профессор настолько удивился выражению ее глаз, что невольно положил свою ладонь на ее руку и обеспокоено спросил:

– Аля, ты не заболела? Может быть тебе недельку отдохнуть? Лабораторию я возьму на себя.

Алевтина покачала головой.

– Я не буду спрашивать, но понимаю, что у тебя какие-то неприятности. Надеюсь, что ничего смертельного. Но, может, тебе все-таки помочь? – профессор говорил участливо, он так вглядывался в глаза Алевтины, как будто пытался найти в них ответ на свои вопросы. Он был пожилым человеком, и по возрасту Алевтина вполне могла сойти за его внучку.

Она снова покачала головой и слегка улыбнулась:

– Спасибо, я справлюсь.

«Смешно, – подумала про себя Алевтина, – разве профессор может мне в этом помочь».

– Ну, хорошо, – профессор не стал больше ничего у нее выспрашивать, – даю тебе день отгула, а послезавтра продолжим работать. Соберись, свои проблемы положи на полку, пусть там пылятся, потом выбросишь, у тебя главное – защита. Все остальное после, целая жизнь впереди, это я уже старик.

Профессор усмехнулся и похлопал Алевтину по плечу. Она благодарна была ему за эти слова, но они ничего не изменили.

На следующий день Алевтина написала заявление об уходе. Ни доводы, ни уговоры профессора ее не остановили. Другого выхода для себя она не видела. Остаться в Москве, зная, что где-то рядом находится Герман, и быть не с ним, для Алевтины было невыносимым. Это было страшнее, чем объяснение с руководителем, которого Алевтине было по-человечески жалко. Все остальное уже не имело значения. Ей хотелось бежать, бежать и бежать. Чтобы никого и ничего не видеть, что за последние годы ей стало родным и близким. Чтобы не беречь душу, забыть Москву, забыть Германа, все забыть...

Через две недели Алевтина уехала к бабушке в Белозерск. Она не поехала сразу домой, так как не хотела пока объясняться с родителями, особенно, с матерью. Она позвонит им из Белозерска или лучше напишет письмо, но потом, не сейчас.

Как хорошо, что бабушка почти ни о чем ее не спрашивала, была только очень рада. Приехала, значит, так надо было. Бабушка лишь суетилась вокруг нее да все время улыбалась. «Внученька пожить приехала. Сколько лет-то не виделись, только письмами. Все в Москве да в Москве. А маленькая была, каждое лето гостила-то. Как чувствовала, пирожки поставила. С брусникой. И рыбка есть свеженькая, сосед наловил, пожарю. Не буду старух своих приглашать, с тобой посидим, почаевичаем. А завтра баньку тебе стоплю, внученька».

Алевтина слушала бабушку и тоже улыбалась. Какой чудесный у бабушки голос, который Аля так давно не слышала. Бабушка так замечательно окала, ее говор был настолько родным и приятным, что Алевтине начало казаться, будто она вернулась в детство.

Аля прошла в глубину дома, села на кровать, на которой она так часто спала, когда была ребенком. Погладила старое набивное одеяло, кружевную салфетку на подушке. Обвела глазами комнату, улыбнулась. Вздохнула. Как же у бабушки хорошо! Алевтина всегда чувствовала себя здесь в безопасности. И сейчас она надеялась, что здесь, в доме у бабушки, ничто не будет тревожить ее душу, ... никаких воспоминаний... все забыть...

– Бабуль, я пойду, посижу на своих ступеньках, – Алевтина соскочила с кровати, подошла к бабушке, поцеловала ее.

– Иди-иди, посиди, а я пока все приготовлю, – бабушка повернулась к печке.

Бабушкин дом стоял на самой окраине города. Собственно здесь был и не город вовсе, а настоящая деревня, примкнувшая к городу. А город там, в центре, Алевтина невольно посмотрела в ту сторону, завтра она обязательно сходит в городище, посетит храм, прогуляется по валам. А сегодня...

Алевтина прошла в сад, дошла до стареньких мостков, спускающихся прямо в канал. Остановилась. Небольшая ширина обводного канала да кромка косы отделяла ее от самого чудесного озера на свете. Белого! Алевтина немного постояла на верхней ступеньке, вдыхая свежий воздух родных просторов и всматриваясь вдаль. Потом дрожащими руками она взялась за ветхие перила, сделала два шага вниз, села на любимую ступеньку, третью снизу. Аля положила руки на колени, взгляд ее был устремлен далеко вперед, сердце учащенно билось. Вслушиваясь в каждый шорох и отдаленные крики птиц, Алевтина наслаждалась окружающей ее тишиной, неспешностью местной жизни, красотой воды и наступающей белой ночью. По щекам у нее текли слезы.

Из этого состояния невесомости ее вывел оклик бабушки. Пора было идти ужинать. Алевтина поднялась, посмотрела еще раз туда, где за косою простиралось озеро. Солнце уже начинало садиться, но она еще не раз успеет полюбоваться чудесным закатом, так как времени у нее теперь для этого созерцания будет предостаточно. Алевтина вытерла глаза и направилась в сторону дома.

Впервые за последние дни Алевтина крепко спала, и ей ничего не снилось. Она встала довольно поздно, когда золотисто-розовый туман над озером уже рассеялся, и июньское солнце освещало бесконечную водную гладь. Алевтина с удовольствием потянулась в кровати, поднялась и пошла умываться.

Первую неделю своей новой жизни Алевтина потратила на прогулки. Она уходила утром и приходила домой ближе к вечеру. На второй день после приезда Алевтина сразу пошла к крепостным валам. Она забралась на вал с той стороны, где делала это в детстве. Ноги до сих пор помнили дорогу. Алевтина прошла по плоскому гребню вала до того места, откуда лучше всего было видно озеро. Оно, как и всегда раньше, выглядело бескрайним. Уходящим за горизонт. Противоположного берега никогда не было видно. Не озеро, а море! И вода... белая-белая...

Алевтина так долго смотрела на эту бесконечную водную гладь, что у нее заслезилась глаза... или она просто опять начала плакать от нахлынувших на нее чувств. Алевтина все еще не могла разобраться в себе, правильно или нет, она сделала, что приехала сюда. И никто, кроме бабушки, пока не знает, что она здесь находится.

В следующие дни Алевтина много времени проводила у озера. Погода была чудесная. Аля купалась на песчаной косе и ходила к каменистому волнорезу, в конце которого стоял маленький маяк. Когда-то в детстве ей очень хотелось добраться до этого маяка, посмотреть, что у него внутри, и однажды вместе со знакомыми мальчишками она сделала одну единственную попытку. Аля карабкалась по каменной дамбе волнореза, сложенного из крупных валунов, но до маяка она так и не добралась. Ноги скользили, ногти рук она ободрала, цепляясь за камни, и в довершение опасного мероприятия Аля все-таки соскользнула и сильно ударилась, до крови расцарапав голень. Кровь тогда у нее сочилась очень обильно. Хорошо еще, что голова осталась цела. Повторять путешествие к маяку Аля больше не стала, на это ума хватило. Теперь Алевтина стояла и смотрела на волнорез, улыбаясь всплывающим картинкам из прошлого. Как же давно это было!

Алевтина гуляла вдоль набережной, останавливаясь подолгу в некоторых местах, снова посетила городище и с высоты валов любовалась куполами церквей и водным пространством. Но большую часть свалившегося на нее свободного времени Аля проводила все-таки у воды. Она приходила на песчаный берег, искала тихое местечко, чтобы случайные отдыхающие не тревожили вопросами, садилась на какое-нибудь бревно и наблюдала, как в озерную гладь опускается солнце...

Несмотря на летнюю погоду, у озера всегда было прохладно, поэтому на вечерние прогулки Алевтина брала куртку. Застегнув до конца молнию, обхватив руками колени, Аля устраивалась на бревне, как в кресле. Таких уютных местечек у Алевтины было два, где она могла спокойно облокотиться спиной о другое бревно и не бояться, что потеряет равновесие и свалится на землю. Ветер трепал ее волосы и будто влажной салфеткой протирал повернутое к солнцу лицо. Взгляд уходил в бесконечность...

Как же она жила в Москве без этих чудных белозерских закатов? Без этой красоты заходящего солнца, которую можно увидеть только здесь. Каждый день закат был другой, он отличался от вчерашнего оттенками неба, слиянием облаков, отблесками лучей, перемигиванием золотистых полосок на воде и цветом самого солнца. Алевтина не знала, какими словами можно было передать все то, что она видела и ощущала. Эти закаты нужно было только видеть! Ни слова, ни фотографии не смогут передать те ощущения, которые появляются у тебя только там, на берегу, наедине с Озером... Все наплывало разом, захлестывало так сильно, что у Алев-

тины каждый раз перехватывало дыхание. Она даже и не замечала, как снова начинала плакать. От ощущения соприкосновения с вечным, с природой, красотой земли, тишиной и одиночеством, навсегда потерянной любовью и невозможностью ее возврата...

Но несмотря на всю романтику одиночества и самобичевания надо было продолжать жить дальше, нужно было есть и зарабатывать себе на жизнь. Не могла же Алевтина существовать за счет своей бабушки и ее пенсии. А о выбранной специальности, а тем более, о незаконченной диссертации, можно было забыть. В Белозерске полученные Алей знания оказались не нужны. Не совсем, конечно. Она могла преподавать биологию в школе или в училище, но свободных ставок не было. И Алевтина устроилась на почту, что, кстати, оказалось большим везеньем.

А потом в жизни страны и Алиной собственной все как-то покатило и поехало. Весной следующего года заговорили о гласности, произошел взрыв на атомной станции, началась перестройка, потом первый путч, потом второй... Москва и другие крупные города бурлили митингами, манифестациями, захлебывались в бурной политической жизни, все с нескрываемым оживлением теперь смотрели по телевизору новые новости. Алевтина находилась за несколько сотен километров от когда-то так сильно любимой ею Москвы, и все сейчас происходящее воспринимала отвлеченно. Она почти совсем не обсуждала политические новости со своими сослуживцами, хотя и раньше на многие их вопросы отвечала уклончиво или пожимала плечами. Алевтина до сих пор находилась в своей, построенной ею, скорлупе, и никакие внешние силы вытащить ее оттуда не могли.

Потом случилось несчастье. Бабушка упала, поскользнувшись на ровном месте, и сломала шейку бедра. Операцию делать отказались, сказали, что в таком возрасте бесполезно. Лечитесь дома! Что только тогда Алевтина ни делала, как ни старалась облегчить бабушкины страдания, но бабушка умерла через три недели от отека легких.

На похороны съехалась большая часть родственников. В том числе, и Алины родители. Но оставаться за столом до конца поминок Алевтине было неприятно. Довольно быстро забыв о самой бабушке, родственники перешли к обсуждению вопроса о владении домом. Алевтина ушла в конец сада к старому мостику. Было холодно, но Аля все же села на ступеньку. Тонкая кромка льда врезалась в берег, канал начал замерзать, от воды поднимался пар, и белое облако, висящее над озером, скрывало от Алевтины горизонт.

В доме осталась жить младшая бабушкина дочь, тетя Капа. Находиться вместе с ней под одной крышей Алевтина не могла, да и Капа не захотела. Алевтина уехала домой, в Вологду.

Следующие пять лет, несмотря на разные внешние трудности, были для Алевтины относительно спокойными. Она работала, правда, уже не на почте, а в отделении социальной помощи на дому. Но девяносто восьмой год снова принес несчастья. Мама не смогла пережить дефолт, все их с отцом сбережения, скопленные за долгие годы честного труда на благо Родины, канули в лету. После инсульта мама уже не поднялась, а после ее смерти в течение полугода высох отец. От него буквально ничего не осталось. Отец худел на глазах, от его статной фигуры не осталось и следа. Как тень, он передвигался по квартире, еле держась на ногах. Болезнь, видимо давно дремавшая в нем и тихо поджидавшая своего часа, после маминой смерти сразу завладела им полностью и утащила вслед за мамой.

Эти жуткие полгода Алевтина до сих пор вспоминала с содроганием. А потом были долгие месяцы пустоты. Когда приходишь домой с работы в опустошенную квартиру, не слышишь такого привычного повелительного голоса матери и соглашающегося с ней во всем доброго голоса отца. Где теперь даже от стен веет холодом и смертью. Когда хочется бежать из этого дома и не возвращаться в него никогда. Именно тогда Алевтине неожиданно снова захотелось уехать в Москву. Навсегда, насовсем. В Москву, где она была когда-то так счастлива сначала и несчастлива потом, где осталась ее любовь, взамен которой Алевтина другую так и не нашла.

Но переехать в Москву Алевтина смогла только в две тысячи седьмом году. До этого почти полтора года ушло на поиск нужного варианта. В большинстве предлагаемых вариантов требовалась доплата, которой у Алевтины просто не было, или вариантов не было никаких. В конце концов, Але повезло, и с помощью агентства ей удалось приобрести относительно приличную однокомнатную квартиру на окраине Москвы вместо своей трехкомнатной. Денег после купли-продажи осталось совсем чуть-чуть, на первые два месяца да новые обои. Все остальное Алевтина оставила на потом. Она накопит, ведь, экономить она умеет, сейчас главное – устроиться на работу. Удивительно, что Алевтина не испугалась перемен, а ей уже было почти пятьдесят. А в таком возрасте не очень охотно берут на работу, особенно, в Москве. Видимо, поэтому, Аля нашла работу быстро. Как только зарегистрировалась по новому московскому адресу. Смелчакам везет. Только этим в своей жизни и могла похвастаться Алевтина. Она устроилась на декретную ставку в районное управление соцзащиты.

За три месяца Алевтина довольно быстро освоилась в своем районе, а через пять – уже чувствовала себя полноправной москвичкой. Тем более что город был ей давно знаком, хотя за последние два десятилетия сильно изменился. Раза два Алевтина порывалась съездить к своему общежитию, но каждый раз ее что-то останавливало. Конечно, глупо было думать, что Алевтина сможет встретить там кого-то из прежних знакомых, в особенности, того одного, единственного, но так и не решилась доехать даже до института. Все, что смогла сделать Алевтина, это перелистать старую записную книжку с телефонами и адресами институтских друзей, которую она каким-то чудом смогла сохранить на протяжении почти двух с половиной десятков лет. Перелистывая пожелтевшие страницы, Алевтина улыбалась, вспоминая своих студенческих подруг и коллег по работе. Где они сейчас? Все также живут по старым адресам или переехали? Поменяли фамилии? Вышли замуж, женились? Жив ли профессор?

Неожиданно Алевтина наткнулась на фамилию Валентины. Позвонить? Аля даже замерла в нерешительности. Прошло так много лет, что она уже перестала помнить обиду. Столько событий произошло за эти годы, а прошлое все равно не вернуть... Алевтина набрала номер. Сердце начало биться быстрее.

– Алло, слушаю, – голос был молодой. «Наверное, дочь, – подумала Алевтина, – если они, конечно, живут по прежнему адресу».

– Попросите, пожалуйста, Валентину... добрый вечер, – спохватилась Алевтина.

– Мам, тебя!

– А кто это? – доносилось до трубки.

– Не знаю, женщина какая-то.

Алевтина невольно улыбнулась.

– Я слушаю, – Валентина заговорила в трубку.

– Валя, здравствуй, – Алевтина и не думала, что ее голос начнет дрожать, она даже слегка поперхнулась.

– Добрый... вечер, – протянула недоуменно Валентина, – но я, я... не узнаю. Кто это?

– Это я, Алевтина.

В трубке воцарилось молчание.

– Аля? – голос Валентины стал тихим, – не может быть... Аля, это действительно ты?

– Я, Валя, я, – Алевтина снова улыбнулась.

– Господи, да как же это? Откуда ты? – голос Вали звучал уже громко, – где ты сейчас?

– Я живу в Москве, полгода как переехала.

– И звонишь только сейчас! – укоризненно сказала Валентина, – приезжай немедленно!

Познакомись с нашей дочерью. Она совсем взрослая. Скоро сама станет мамой.

– Приеду, Валя, только не сегодня, – заверила ее Алевтина, – я живу на другом конце Москвы от тебя, а сейчас уже поздно. Давай лучше встретимся в выходные.

– Хорошо-хорошо, – быстро заговорила Валентина, – скажи только в двух словах. Как ты? Замужем, дети есть?

– Я одна, – ответила Алевтина, и ее слова тихим эхом отозвались в груди Валентины. Подруга не стала больше ни о чем расспрашивать, первое любопытство было удовлетворено, а дальше задавать вопросы язык не поворачивался. Лучше при встрече.

Подруги встретились в первую субботу после телефонного разговора. Ради приезда Алевтины Валя не поехала на дачу, ее муж уехал один, предоставив женщинам побыть вдвоем. Юля, Валина дочь, едва познакомилась с подругой молодости своей матери, сразу ушла к себе в комнату, и подруги остались одни. Они сели на кухне друг против друга, смотрели друг дружке в глаза и улыбались.

– Алечка, ты даже не представляешь, как я тебе рада! – Валентина покачала головой, глаза ее наполнились слезами, – я много лет мечтала, чтобы мы с тобой опять были дружны, чтобы ты простила меня...

– Я простила, – вздохнула Алевтина, – только какое теперь это имеет значение.

– Имеет, для меня – имеет! – с жаром заговорила Валентина, положив свои руки на руки Алевтины, – я все эти годы места себе не находила. А твой внезапный отъезд! Где ты, куда уехала? Ты же не оставила ни адреса, ни телефона. Я пыталась узнать на кафедре, даже у Геры.

– У Геры? – удивленно спросила Алевтина.

– Да-да, у Геры, – виновато проговорила Валентина, – но он тогда сказал, что не знает.

– Он действительно не знал, – ответила Алевтина, потом, помолчав, сказала, – и я о нем ничего не знаю, прошло больше двадцати лет, я даже не знаю, жив ли он...

– Ой, Аля, не говори так! – замахала руками Валентина, – жив, конечно, мужику сейчас должно быть чуть больше пятидесяти. Ну, не более пятидесяти трех... Он, ведь, постарше нас был?

– Возраст для мужчины – критический, при таком-то темпе жизни, – пожалала плечами Алевтина, – всякое случиться могло.

– Ну, могло – не могло, – снова быстро заговорила Валентина, – знаю только, что он женился...

Увидев взгляд Алевтины, Валя на секунду запнулась, но потом продолжила:

– Да, Алечка, он женился, лет через пять, как ты исчезла, на москвичке. Работал он на своей кафедре. И все, больше ничего не знаю. Я сама уже давно по специальности не работаю, ни с кем из наших общаться не приходится, в институте лет пятнадцать не была. Вот так. Ты лучше о себе расскажи...

***

Перелистывая страницы со стихами, вчитываясь в каждую строчку, Алевтина стала понемногу успокаиваться. Нерадостные эпизоды прошлого и сегодняшний инцидент в меховом отделе постепенно перестали ее будоражить и заняли свои места на полочках памяти. Аля закрыла книгу. «Надо с оптимизмом смотреть в будущее», – мысленно дав себе известную установку, Алевтина принялась за уборку квартиры.

Поздно вечером, когда все углы в квартире были тщательно пропылесосены, пол на кухне вымыт, белье выстирано, кафельная плитка в ванной комнате вычищена до блеска, Алевтина, наконец, успокоилась совсем. Перед сном, накладывая на лицо ночной крем, Алевтина посмотрела на себя в зеркало и улыбнулась:

– А шубку я себе все равно куплю!

И действительно, норковую шубу, длинную, как она хотела, Алевтина купила в конце зимы. Покупкой Аля осталась очень довольна, шуба ей шла, она была приятного цвета темного шоколада, и в новой шубе Алевтина ощущала себя совсем другой женщиной. Смешно!

Но каждый раз, проходя мимо зеркала или витрины, и видя свое отражение, Аля гордо улыбалась. «Боже мой, как мало надо женщине для счастья! – думала Алевтина, – или это – не так уж и мало?».

Город только еще готовился к празднованию Международного женского дня, а Алевтина подарок себе уже сделала. Март стоял холодный, и Аля с удовольствием щеголяла в новой шубе. Отметить женский праздник Алевтина решила не одна, с коллегой по работе, женщиной тоже одинокой. К тому же поводов у двух немолодых, но еще и нестарых женщин, для праздника оказалось предостаточно. И Восьмое марта, и только что законченный ремонт в квартире коллеги, и Алина шуба. Три в одном! Гуляй – не хочу!

И они гуляли. В квартире Алиной коллеги. Выпили на двоих бутылку красного абхазского вина, поведали друг другу свои истории жизни, на работе-то некогда, пели песни, много смеялись. «Не к добру, – лишь однажды у Алевтины промелькнула мысль». Но мысль как прилетела, так и улетела. В одно мгновение. Домой Алевтина собралась почти за полночь. Но она не волновалась, так как домой ехать было недалеко. Три остановки на автобусе по окружной. Потом перейти по прозрачной «кишке», как Алевтина называла переход через трассу, пройти небольшой сквер в пятьдесят метров, и она у своего дома.

***

...Антон спустился на первый этаж в просторный холл.

– Ты куда? – мать поднялась с кресла. Весь вечер она сидела у камина, закутавшись в плед. Ей не здоровилось, но в спальню она не шла, ждала возвращения мужа.

– У меня встреча, – буркнул в ответ сын.

Когда мать встала, плед упал на пол. Подходя к сыну, она споткнулась о плед и чуть не упала, но удержалась на ногах. Антон был уже у двери, когда мать подошла к нему. Она сначала отшатнулась от него, отступив назад, но потом снова подошла вплотную:

– Тоша, от тебя пахнет спиртным! Ты пьян?!

– Мать, отстань, – ответил грубо Антон, отстраняя ее, – это всего лишь пиво. И сколько раз тебе говорить, чтобы ты так меня не называла! А то обижусь, поняла?

Антон посмотрел на мать гневным взглядом. Потом он открыл входную дверь.

– Антон, ты не сядешь за руль в таком состоянии, Антон, не смей...

Не обращая на мать никакого внимания, молодой человек быстро сбежал по мраморным ступенькам и зашагал в сторону гаража.

– Антон, Антон! – слышал он позади себя крики матери и шлепанье ее тапочек. Не оборачиваясь, он отмахнулся от нее, как от назойливой мухи, мешающей ему в его действиях. Антон боялся только отца и знал, что отец хочет доверить ему бизнес. Ни мать, ни старшую сестру, он ни во что не ставил.

Когда Антон подъехал к воротам, мать была уже там. Она преградила ему путь. Он поморщился, выходя из машины.

– Мать, отвали, – сказал сначала почти беззлобно, но потом с раздражением, – мать, отвали, сказал!

Он резко оттолкнул мать от машины. Потеряв равновесие, женщина упала на выложенную плиткой дорожку. Антон снова сел за руль, нажал на пульт, ворота открылись, и он спокойно выехал на дорогу. Выезжая, пока ворота закрывались, он увидел мать. Она все еще сидела на земле и беззвучно плакала, глядя вслед отъезжающему автомобилю.

Сидя в своей новой спортивной машине, которую он получил в подарок от отца на восемнадцатилетие, Антон с удовольствием сжимал руль. Включив музыку, он заулыбался. Про мать Антон уже забыл и пребывал в превосходном настроении, тем более он ехал в клуб. Там сегодня большая тусовка, будет Инга, и еще не все видели его классный кар. Обзавидуются! У него самая последняя модель. Молодец, батя! Не поскупился. Антон самодовольно улыбался.

Музыка в салоне гремела, Антон раскачивался на сиденье в такт музыке. Выехав на трассу, он прибавил скорость.

Алевтина вышла из автобуса на своей остановке. Автобус быстро поехал дальше, водитель спешил, его рабочее время заканчивалось. Алевтина посмотрела на другую сторону, потом перевела взгляд на прозрачную трубу-переход. Пешеходов не было. Только мчащиеся по автостраде машины и удаляющийся автобус. Алевтина вздохнула, от дома ее отделял пустой светящийся переход и темный сквер. Не любила Алевтина это место.

Сойдя со ступеньки автобуса, Алевтина все еще стояла близко к краю тротуара. Но потом, повинуясь внутреннему инстинкту самосохранения, она отошла подальше от проезжей части и направилась к переходу. Алевтина не успела сделать второй шаг, как сбоку, слева от нее, с каким-то свистом, или ей так показалось, на огромной скорости промчался автомобиль. Алевтину сильно обдало ветром, и стой она ближе к дороге, она бы не удержалась на ногах. Алевтина вздрогнула. В свете фонарей Аля успела заметить, что машина, похоже, красного цвета и немного необычной формы, должно быть, спортивная. Глядя, как неслась дальше машина, у Алевтины невольно сорвалось с губ: «Сумасшедший!». И в этот самый момент машина вдруг резко дернулась и вылетела на встречную полосу.

Алевтина ойкнула и зажала рот рукой. По встречной полосе на большой скорости мчался другой автомобиль. От ужаса у Алевтины округлились глаза. Она видела, как спортивный автомобиль на полной скорости врезался во вторую машину.

– Боже... – только и смогла прошептать Алевтина, глядя на кошмар, который происходил у нее на глазах.

Грохот, душераздирающий скрежет металла, дребезг битого стекла, визг резины... Все эти звуки наполнили ночное пространство. Авария произошла метров в пятидесяти – семидесяти от Алевтины. Как могла издали увидеть Аля, спортивная машина еще немного проскользила вперед и остановилась. От сильного удара вторую машину сначала резко развернуло в обратную сторону, а потом она тихонько, как в замедленном кино, опять повернулась в том же направлении, куда ехала. Машины застыли в нескольких метрах друг от друга. У спортивной машины была смята носовая часть. Оба автомобиля находились почти на середине трассы. От них шел дым...

Несколько секунд Алевтина стояла в нерешительности, не зная, что делать. Несколько машин промчались, не остановившись. «Господи, все мимо, что же делать? Так страшно, боже мой, что же делать? Там, ведь, люди, им нужна помощь, а никто не остановился, значит, надо мне, значит, должна я...». Алевтина даже не замечала, что она бормочет вслух, мысли в голове у нее путались. Еще раз посмотрев по сторонам, и убедившись, что кроме нее никого поблизости нет, Алевтина решила. Подобрав полы длинной шубы, она побежала к месту катастрофы. Сердце в груди настолько сильно стучало, в нем что-то клокотало, и Алевтине даже в одно мгновение почудилось, что оно сейчас просто лопнет, а она упадет замертво. Настолько ей было страшно. Но она бежала и бежала, насколько могла быстро. Она остановилась только тогда, когда добежала до ближней машины. Алевтина увидела, что левая часть автомобиля, как будто срезана. «Наверное, водитель... там, – эти мысли привели Алевтину в еще больший ужас, – господи, ... все вперемешку с железом...». Алевтину передернуло, она отвела глаза и стала быстро обходить машину спереди.

В этой части дороги было не так светло, как на остановке. Автомобиль, около которого находилась Алевтина, был белого цвета или светло-серый, кажется, «Фольксваген», но Алевтина уже ни в чем не была уверена. Правая часть автомобиля была цела, и сквозь стекло Аля смогла увидеть, что на пассажирском сиденье находился человек, голова его свешивалась на грудь. И тут Алевтину пронзила кошмарное предположение: «А вдруг машина сейчас взорвется!». Алевтина судорожно схватилась за ручку двери и дернула ее, что есть силы, но дверь

не открывалась. Аля дергала еще и еще, но дверь не поддавалась. «Господи, помоги мне!», – взмолилась Алевтина и в надежде на чудо беспомощно оглянулась по сторонам.

В этот момент она увидела, как на противоположной стороне затормозила машина, и из нее выскочил мужчина. Алевтина замахала ему и закричала:

– Скорее! На помощь!

Когда мужчина подбежал, Алевтина увидела, что это совсем молодой парень, по возрасту годится ей в сыновья.

– Дверь не открывается, там человек, может еще живой, – быстро-быстро заговорила Алевтина.

Парень заглянул внутрь, подергал ручку.

– Ясно, я сейчас, – молодой человек побежал обратно к своей машине. На ходу он крикнул Алевтине, – Вы «Скорую» уже вызвали?

«Боже мой, «Скорая!», – Алевтина судорожно полезла в свою сумку за мобильным телефоном.

Когда парень вернулся обратно с молотком, Алевтина уже объясняла диспетчеру их место нахождения. Молодой человек быстро разбил стекло машины и открыл дверцу. Как только дверца открылась, человек с пассажирского кресла чуть не выпал на мостовую. Молодой человек подхватил его и вытащил из машины. Этим пассажиром оказалась женщина.

– Помогите мне, поддержите ее с другой стороны! – парень повелительно крикнул Алевтине, – оттащим подальше.

Поддерживая с двух сторон безжизненное тело, Алевтина и молодой человек отнесли женщину на тротуар. Пока они несли женщину, Алевтина попыталась заглянуть ей в лицо, но сразу в ужас отвела глаза. Почти половина лица женщины была залита кровью, в длинных слипшихся волосах блестели крупные осколки стекла, на светлой шали, закрывающей грудь женщины, виднелись большие темные пятна, глаза пострадавшей были закрыты. Но все-таки Алевтина успела заметить, что женщина довольно молода, ей было не больше двадцати пяти лет, может быть, меньше, в такой обстановке Алевтина затруднялась точно определить ее возраст.

Когда они положили женщину на тротуар, Алевтина сделала шаг назад. Руки у нее тряслись, ей никогда в жизни не приходилось находиться в таких ситуациях, и Алевтина не знала, как себя вести. К тому же, ей до сих пор было страшно. Аля даже боялась снова приблизиться к женщине: «А вдруг она уже мертвая?». Но женщина выглядела такой одинокой, такой несчастной, лежа на тротуаре, что Алевтине стало за себя неловко. И, пересилив себя, она подошла к женщине поближе. «Я буду рядом с ней, может, она почувствует, что она не одна, и ей это поможет». Алевтина посмотрела на неподвижное тело женщины. Шаль, закрывающая одежду женщины, съехала на бок, полы ее шубы разошлись, и Алевтина увидела большой живот.

– Боже мой, да она беременна! – в ужасе воскликнула Алевтина и посмотрела на молодого человека.

Молодой человек вздохнул и покачал головой:

– Оставайтесь с ней, а я вернусь, . . . может, кто еще жив, – и он побежал обратно к машинам.

Скорая помощь все не приезжала, и Алевтина снова начала нервничать. Она присела около женщины на корточки. Алевтину всю трясло, но она протянула руку вперед. . . и отдернула назад. Но, снова сделав над собой усилие, Алевтина повторила попытку. Едва касаясь, она осторожно положила свою руку на живот женщины, и через какое-то время почувствовала внутри тела женщины легкое шевеление. Тогда Алевтина радостно улыбнулась: «Живой!». Ей сразу стало легче.

– Господи, ну где же «Скорая»! – снова взмолилась Алевтина и посмотрела на дорогу.

Вдали она увидела синие мигалки сначала с одной стороны, а потом, и с противоположной.

– Слава Богу, едут!

Машина дорожно-патрульной службы и две машины скорой помощи приехали практически одновременно.

Как только подъехала первая «Скорая», и из нее вышли медики, Алевтина закричала:

– Скорее сюда! Она жива, она беременна! Скорее!

Пока к Алевтине подбегал один из врачей, двое других выкатывали носилки. Врач начал заниматься женщиной, потом подоспел еще один с каталкой. Тогда Алевтина встала и отошла в сторону. Она посмотрела туда, где находились искореженные автомобили. Молодой человек, помогавший Алевтине, что-то объяснял полицейским, осматривавшим машину, в которой ехала женщина. Врачи второй «Скорой» сначала суетились около спортивной машины, потом один из них быстро подбежал к белой иномарке и нагнулся. Прошло несколько секунд, он выпрямился, и Алевтина увидела, что он поднял руки и скрестил их, потом что-то крикнул своему коллеге. Алевтина снова перевела взгляд на женщину.

После беглого осмотра пострадавшую положили на носилки и быстро повезли к машине. Алевтина семенила рядом. Сумочка женщины, висящая у нее на плече, свешивалась с носилок. Алевтина все время пыталась схватить сумочку и положить ее рядом с женщиной, но у нее ничего не получалось. Уже около машины Але, наконец, удалось подхватить сумку, которая чуть не упала на асфальт. Прижимая сумку к себе, Алевтина молча смотрела, как носилки вкатывали в глубину машины. Стоявший около «Скорой помощи» водитель сел в кабину. Алевтина хотела заговорить и отдать врачам сумку, но вместо этого у нее из гортани вырвался какой-то нечленораздельный звук. Перед глазами все поплыло, Алевтина прислонилась к корпусу машины.

– Мамаша, Вам плохо? Садитесь в машину, я Вам помогу, – как будто издали услышала Алевтина.

Полуобморочное состояние вскоре прошло и, опираясь на руку молодого фельдшера, почему-то Алевтина решила, что он именно, фельдшер, она стала забираться внутрь салона машины «Скорой помощи». Когда Алевтина, нагнувшись, заходила в машину, к ним подбежал один из медиков из второй «Скорой». О чем он говорил, Алевтина не вслушивалась, она осторожно прошла около носилок, на которых лежала женщина, и села в дальний угол. Над женщиной уже склонился врач, он крикнул своему молодому помощнику. Фельдшер запрыгнул в салон, и машина помчалась...

Алевтина слышала, как врач, который был старше и опытнее, давал указания молодому фельдшеру. Они оба, как показалось Алевтине, колдовали над женщиной. Это слово, «колдовали», первым пришло на ум Алевтине, а потом в ее мозгу все время проносились другие два слова: «спаси и сохрани, спаси и сохрани...». Оба врача работали быстро, они подключали какие-то трубки, наверное, аппарат искусственного дыхания, возможно, дефибриллятор, думала Алевтина, ставили капельницу, постоянно проверяли пульс, смотрели зрачки, нагибались над животом женщины. Минут через пять фельдшер неожиданно обратился к Алевтине:

– Какой у нее срок беременности?

– Я, я... не.. не знаю, – пролепетала Алевтина.

– Не знаете? – фельдшер очень удивился, – а Вы разве...

– Оставь ее, – перебил его врач, – видишь, мать не в себе, как сама цела осталась, не понятно, такая авария... я и так все вижу, везем в ближайшую больницу, там есть родильное отделение. Сдается мне, они ехали рожать. Может, спасем...

Врач вздохнул. После короткого молчания он обратился к своему помощнику:

– А у тех что?

– Два трупа, – фельдшер развел руками, – кто сидел за рулем в их машине, – кивнув на женщину, он заговорил тише, – муж, наверное, вообще, лучше не смотреть. А тот второй, который в спортивной машине, тоже не лучше... Кстати, знаете, кто он? Нашему коллеге гаишники уже успели сказать. Веснин Антон Михайлович...

– А-а, фамилия знакомая, – протянул врач, – вспомнил, сынок крутого бизнесмена, о нем недавно какая-то скандальная передача была, мы еще с тобой на прошлом дежурстве перед вызовом смотрели.

– Ну да, – ответил фельдшер, – парень этот не первый раз в разные скандальные истории попадает, я про него еще где-то читал, ...допрыгался, вот.

– Да-а, – кивнул врач, – но парня-то все равно жалко, дурак совсем был, и крутой папаша ему уже ничем больше не поможет.

«Веснин Антон Михайлович, Веснин Антон Михайлович...», – проносилось в голове у Алевтины. Врачи говорили негромко, но она все слышала. Как знакомо ей было это сочетание имени и фамилии. Где она могла его слышать? От всего случившегося за последние двадцать-тридцать минут Алевтина сейчас очень плохо соображала. Потом внутри у нее как будто что-то стукнуло, и Алевтину сразу бросило в жар. Мишенька! Это же Мишенькин сын, его Антон, Тошка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.